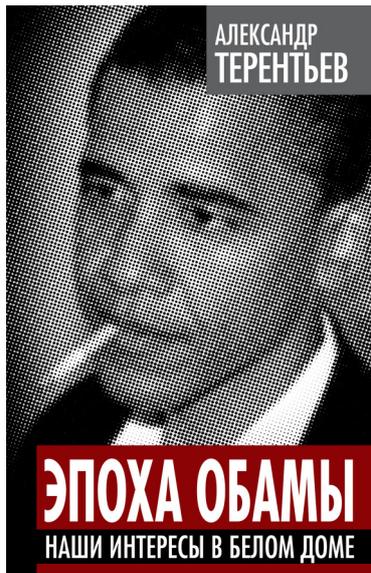

АЛЕКСАНДР
ТЕРЕНТЬЕВ

ЭПОХА ОБАМЫ
НАШИ ИНТЕРЕСЫ В БЕЛОМ ДОМЕ

Александр Александрович Терентьев
Эпоха Обамы. Наши интересы в Белом доме
Серия «Власть в тротиловом эквиваленте»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018044
Эпоха Обамы. Наши интересы в Белом доме: Алгоритм; М.; 2012
ISBN 978-5-4438-0244-2

Аннотация

Представленная вашему вниманию книга посвящена деятельности президента США Б. Обамы. Экономический кризис, события на Ближнем Востоке, усиление роли Китая – все это разбирается в контексте политики Обамы; особое внимание уделяется непростым отношениям Соединенных Штатов и России в годы нахождения Обамы у власти.

Книга написана на основе материалов американских исследователей и СМИ, а также личных интервью автора с видными политиками США и мира.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Часть I	6
В СВЕТЕ ОСЛЕПЛЯЮЩИХ ОГНЕЙ	6
БОРЬБА С КЛАНом КЛИНТОНОВ	9
ВЬЕТНАМСКИЙ ВЕТЕРАН ПРОТИВ ГАРВАРДСКОГО	11
ИНТЕЛЛЕКТУАЛА	
ДВОЕ НА ДВОЕ	16
«ЕДИНАЯ АМЕРИКА»?	20
БОРЬБА С ВЕТРЯНЫМИ МЕЛЬНИЦАМИ	25
ПЕРВЫЕ ШАГИ: ЭПОХА КОМПРОМИССА	29
«ОБАМАФОБИЯ»: «ОРГИЯ РАСХОДОВ И ВАКХАНАЛИЯ	34
ДОЛГОВ»	
ПО СТОПАМ ТЕЛЬМЫ И ЛУИЗЫ	39
ЧАЙНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	48
ПРЕЗИДЕНТ МЕНЬШИНСТВ	53
АМЕРИКАНСКИЙ РОБИН ГУД	56
РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ЛИЛИПУТЫ	59
«НИЩИЙ МИЛЛИАРДЕР» И «БИТВА БАНКНОТ»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Александрович Терентьев

Эпоха Обамы. Наши интересы в Белом доме

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Этот парень мог бы подавать нам кофе»¹, – так в начале 2008 года охарактеризовал Барака Обаму бывший президент США Билл Клинтон. В телефонном разговоре с сенатором Тедом Кеннеди он с гневом обрушился на темнокожего политика, который «появился ниоткуда» и лишает его супругу полагающегося ей по праву президентского кресла. В Америке, действительно, никто не ожидал, что молодой сенатор от Иллинойса сможет сделать столь головокружительную карьеру, только в 2004 году получив место в Конгрессе, а уже в 2008-м заняв Овальный кабинет Белого дома. Обама оказался блестящим шоуменом, сумевшим превратить американскую предвыборную кампанию в яркий спектакль, за которым с восторгом следили миллионы людей по всему свету.

Придя к власти в эпоху кризиса, Обама попытался обратиться к опыту своих предшественников, управлявших Соединенными Штатами в непростые времена. Прежде всего, речь идет об Аврааме Линкольне, который был президентом в эпоху Гражданской войны, и Франклин Рузвельте, находившемся у власти во время Великой депрессии. По их примеру он создал команду соперников, включив в администрацию чиновников, придерживающихся диаметрально противоположных взглядов от республиканца Роберта Гейтса, который остался во главе Пентагона, до левого либерала Стивена Чу, назначенного министром энергетики. Однако, в действительности, политика Обамы формировалась узким кругом людей, которые сами именовали себя «рыцарями круглого стола» по аналогии с командой советников Джона Кеннеди.

Под их давлением Обама провел через Конгресс леволиберальные реформы, в первую очередь, конечно, реформу системы здравоохранения, которая навсегда теперь будет ассоциироваться с его именем. В консервативной Америке закон, вводящий обязательную медицинскую страховку для всех граждан, был воспринят как «социалистический», и по стране прокатилась волна выступлений против «большого правительства». Возникло так называемое «Движение чаепития», участники которого уверяли, что отстаивают американскую свободу словно первые колонисты в эпоху бостонского чаепития и призывали выкинуть из Белого дома «темнокожего Че Гевару».

Конечно, Обама мог повторить судьбу Билла Клинтона, который в 1996 году отказался от леволиберальных лозунгов, сдвинулся в сторону политического центра и легко избрался на второй срок. Однако президент решил идти ва-банк, заявив, что предпочитает пробыть на своем посту один срок, но быть «хорошим президентом», нежели просидеть два, но быть «президентом посредственным». Излюбленной метафорой американских политологов стало сравнение Обамы, отказывающегося отойти от выбранного курса, с героинями фильма «Тельма и Луиза», которые, спасаясь от полиции и не желая провести остаток жизни в тюрьме, на полном ходу слетают в пропасть.

В эпоху экономического кризиса, который многие сравнивали с Великой депрессией 30-х годов, идеей фикс для президента стало «сохранение среднего класса». Ради этой цели

¹ John Heilemann, Mark Halperin Game Change: Obama and the Clintons, McCain and Palin, and the Race of a Lifetime. NY, 2010.

Обама готов был даже бросить вызов финансистам с Уоллстрит, которых он вслед за лево-либеральными комментаторами окрестил «жирными котами». Он начал добиваться увеличения налогов для состоятельных граждан. И хотя налоговую реформу в Конгрессе прокатили, назвав ее «дорогой к классовой войне», Обама сумел резко поднять свой рейтинг: ведь образ американского Робин Гуда, был востребован в стране как никогда (не случайно в 2011 году в США зародилось еще одно протестное движение, получившее название «Оккупируй Уоллстрит»). Тем не менее многие политологи сравнивали Обаму с Гербертом Гувером, президентом, который делал все возможное, чтобы вывести страну из кризиса, но в итоге был объявлен виновником Великой депрессии.

Бывший гарвардский профессор права во внешней политике, Обама попытался осуществить прагматичную революцию. Он надеялся «достучаться до правящей элиты в тех странах, которые традиционно считались геополитическими соперниками США и выстроить новые альянсы. Как отмечал лондонский политолог Анатолий Ливен, «по примеру Британии, которая в 1890-е годы начала отказываться от своих обязательств, заключая сделки с другими государствами и перекладывая на них ответственность за решение региональных проблем, США сейчас также пересматривают свою внешнеполитическую стратегию»². В этом смысле очень показательным эпизодом стала ливийская кампания, когда Обама решил занять место на скамейке запасных, выдвинув на передний план европейские державы. Объявив перезагрузку в отношениях с Россией, демократическая администрация, фактически, похоронила планы расширения НАТО. Кроме того, несмотря на флирт с радикальными суннитами, которые правили бал на Ближнем Востоке после так называемой «арабской весны» Америка начала сдавать позиции в регионе. Провалился и проект «большой двойки» – эксклюзивного альянса США и Китая. В американском истеблишменте Обаму называли безвольным тьюфом, проводящим политику умиротворения. А в странах, с которыми темнокожий президент пытался наладить диалог, его инициативы не воспринимали всерьез. Как отмечал в 2009 году советник экс-президента Буша-младшего Карл Роув, «Америку сегодня возглавляет суперзвезда, а не государственный муж. Это может принести мимолетное восхищение зарубежных аудиторий, но вряд ли способствует продвижению долгосрочных интересов США»³. В общем, лидер, который обещал американцам радикальные перемены, вынужден был, в итоге, просто плыть по течению. Ему катастрофически не везло, и журналисты с иронией называли его «счастливчиком». И какие бы разумные рецепты ни предлагал Обама во внутренней и внешней политике, с каждым годом он все больше напоминал «рыцаря печального образа» Дон Кихота, борющегося с ветряными мельницами.

² Интервью автора с профессором лондонского Королевского колледжа Анатолием Ливеным. 2012. Май. 30.

³ The Wall Street Journal. 2009. March. 18.

Часть I ПРЕЗИДЕНТ-РЕФОРМАТОР

В СВЕТЕ ОСЛЕПЛЯЮЩИХ ОГНЕЙ

Он появлялся на сцене под звуки песни U2 «В городе ослепляющих огней». Он собирал гигантские стадионы. За несколько месяцев он стал кумиром миллионов, проведя, наверное, самую яркую предвыборную кампанию в мировой истории. Блестящий оратор, профессор права, один из самых молодых законодателей на Капитолийском холме, Барак Обама уже в 2004 году был назван восходящей звездой Демократической партии. И, несмотря на то, что некоторые обозреватели считали его неопытным политиком, может быть, именно образ человека нового, не замешанного в политических интригах, позволил ему одержать победу в президентской гонке 2008 года. По мнению биографа Обамы Дэвида Менделя, «в 2008 году сенатор от Иллинойса находился на гребне политической волны, и его советники постоянно ссылались на опыт молодого Джона Кеннеди, который не стал дожидаться следующих выборов, понимая, что со временем он может утратить энергию, а вместе с ней и поддержку избирателей»⁴.

В период первой предвыборной кампании Обаму часто сравнивали с Кеннеди: оба – выпускники Гарварда, сторонники левых взглядов, готовые провозгласить новую эру в американской политике и реформировать Демократическую партию. Кеннеди – первый католик, избранный президентом США, Обама – первый афроамериканец, претендующий на этот пост. Политтехнологи, работавшие на темнокожего сенатора, пытались убедить американское общество в том, что аналогия с Кеннеди неслучайна. Более того, среди активных сторонников Обамы оказался бывший спичрайтер Кеннеди Теодор Соренсон. «У Кеннеди и Обамы много общего, – заявлял он. – Как и Кеннеди, Обама обладает фантастической улыбкой, улыбкой победителя. Как и Кеннеди, он может завладеть вниманием аудитории, не боится выступать по телевидению, не кричит в микрофон, а спокойно разговаривает с избирателями. Победа Обамы будет означать не только смену игроков в Белом доме, но и серьезные изменения в правилах политической игры. И если Клинтон заинтересованы в сохранении status quo, Обама откроет для Америки «новые границы»⁵.

Для того чтобы за Обамой окончательно закрепилось звание наследника Камелота, ему не хватало лишь признания семьи Кеннеди, по-прежнему обладающей огромным влиянием в Демократической партии. И вот 27 января 2008 года в газете New York Times появилась статья дочери Джона Кеннеди, Кэролайн, в которой она провозгласила Обаму преемником своего отца. А через два дня его кандидатуру поддержал и глава семейства Кеннеди, младший брат легендарного президента, Эдвард. Стоит отметить, что долгое время он отказывался выступать в поддержку того или иного кандидата, и, несмотря на все старания Хиллари Клинтон, с которой его связывали дружеские отношения, не согласился дать ей свое благословение. Однако Обама показался Эдварду Кеннеди достойным кандидатом. «Барак будет президентом, отвергающим стереотипы, – заявил он, – лидером, который смотрит на мир без цинизма и не демонизирует своих соперников»⁶.

⁴ David Mendell, Obama: From Promise to Power. NY. 2008.

⁵ Theodore Sorensen, Barack Obama: the new JFK. // Guardian. 2007. July. 25.

⁶ Edward Kennedy, Obama Endorsement Speech. 2008. January. 28 // <http://tedkenedy.org>

Действительно, в отличие от других кандидатов от Демократической партии, Обама призывал к сотрудничеству с республиканцами. «Мы должны разделить ответственность за судьбу страны, – заявлял он. – Именно это позволит нам почувствовать себя единым народом»⁷. Таким образом, Обама давал понять, что рассчитывает на роль общенационального лидера. Не случайно его называли Рейганом левых. В 80-м году Рональду Рейгану удалось привлечь на свою сторону избирателей, разочарованных политикой демократа Джимми Картера. Обама же, по мнению экспертов, мог рассчитывать на голоса республиканцев, выступающих против той версии консерватизма, которую предлагала администрация Буша. Они чувствовали себя неуютно в партии, которой управляют южане, проповедующие антииммигрантскую политику, и в пику им готовы были поддержать традиционных соперников. Конечно, за Клинтон никто из них голосовать не собирался: ведь у них еще слишком свежи были воспоминания о политике ее мужа. Обама, напротив, представлялся идеальным кандидатом для разочарованных республиканцев. Ведь он признавал ошибки Демократической партии, которая, по его словам, превратилась в «партию преувеличенных реакций».

«Возражая против войны в Ираке, – писал Обама в своей книге «Смелость надежды», – мы с подозрением относимся к любым военным действиям. Не разделяя мнение о том, что рынок является единственным решением любых экономических проблем, мы начинаем мешать применению рыночных принципов там, где это необходимо. Сопrotивляясь усилению церкви, мы приравнивали терпимость к полному исключению религии из жизни общества»⁸. И хотя Обама воспринимался как сторонник левых взглядов и наследник Джона Кеннеди, он не разделял концепцию «государства всеобщего благосостояния». Сенатор критиковал тех американцев, которые считают, что получение определенного дохода является их неотъемлемым правом. Напротив, – говорил он, – «чрезмерные социальные льготы и есть нарушение гражданских прав». Такая позиция Обамы повышала его шансы в предвыборной схватке с республиканским кандидатом. Эксперты утверждали, что именно ему отдадут голоса независимые избиратели, а это огромная часть населения США (только в Калифорнии и Нью-Мексико их более 6 млн.). И потому Обама, в том случае, разумеется, если ему удастся стать кандидатом от Демократической партии, сторонники предсказывали не скромную победу, которой в последние годы довольствовались все претенденты, а общенациональный триумф.

Однако республиканские идеологи отмечали, что темнокожий сенатор может повторить судьбу всех левых кумиров Америки. «Демократы не понимают традиционной американской концепции лидерства, которая предполагает лишь исполнение своих обязанностей на государственном посту, – писал редактор *The American Thinker* Джон Дадд. – Они пытаются навязать нам образ харизматика-полубога, который отражает дух времени и воплощает надежды нового поколения»⁹. Профессор Майкл Фонтрой отмечал, что «впечатляющая популярность Обамы объясняется тем, что ему удалось собрать вокруг себя коалицию, которая включает молодежь, избирателей старшего возраста, разочаровавшихся в старой гвардии демократов, и, наконец, афроамериканцев»¹⁰.

К 2008 году сенатор от Иллинойса был уже чрезвычайно популярен в светском обществе. Еще задолго до начала предвыборной кампании он начал сниматься для модных журналов, посещать светские мероприятия и стал настоящим кумиром голливудской богемы. Актриса Холли Берри утверждала, что готова «убирать мусор, чтобы дорога, по которой он

⁷ Barack Obama, Speech at National Democratic National Convention in Boston, Mass. 2004. July. 27

⁸ Barack Obama. *The Audacity of Hope*. NY. 2006.

⁹ *The American Thinker*. 2008. February. 12.

¹⁰ *The Chicago Tribune*. 2008. March. 11.

идет, была чистой»¹¹. Спонсором и поклонником Обамы являлся и известный кинопродюсер Дэвид Геффен. «Обама – новый харизматичный лидер, – заявил он. – Америка устала от Клинтонов, ей требуются не компромиссы, а идеалы»¹². Кроме того, со времен Кеннеди темнокожий выпускник Гарварда стал первым фаворитом президентской гонки, которого поддержала интеллектуальная элита США.

¹¹ Obamamania verges on obsession. 2008. February. 20. // <http://www.politico.com/>

¹² The Ney York Times. 2007. February. 21.

БОРЬБА С КЛАНОМ КЛИНТОНОВ

Вначале Обаме предстояло одержать победу на демократических праймериз, где его главным соперником стала сенатор от штата Нью-Йорк бывшая первая леди Хиллари Клинтон. Их схватку многие воспринимали как столкновение старых и новых демократов. «Готова ли Америка к третьему президентскому сроку Клинтона? – вопрошал бывший лидер республиканцев Роберт Дол. – Многие, наверное, забыли два предыдущих срока и после иракского конфликта смотрят на бывшего президента сквозь розовые очки». В своем отношении к Клинтон Дол был далеко не одинок. В американском обществе она воспринималась неоднозначно. По некоторым данным, каждый третий американец заявлял, что не будет голосовать за Клинтон ни при каких обстоятельствах. Как отмечал сенатор-демократ Джон Эдвардс, который выбыл из президентской гонки в самом ее начале, «Клинтоны представляют интересы коррумпированной верхушки Демократической партии, вашингтонской элиты, которая заинтересована в сохранении status quo».

Конечно, Хиллари пользовалась поддержкой партийных функционеров на местах, получивших свои посты во время правления ее супруга. Однако политические амбиции Клинтонов вызвали раздражение у нового поколения демократов, и у тех представителей старой гвардии, которые изначально не были расположены к «президенту-плейбою». Для многих из них он так и остался выскочкой и дилетантом, легковесным политиком, который выигрывал выборы благодаря популистским лозунгам и природному обаянию. Союз Обамы с политической династией Кеннеди символизировал общее для новых и старых демократов критическое отношение к эпохе Билла Клинтона. И многие из них планировали поддержать умеренного республиканца, если кандидатом от «партии ослов» станет бывшая первая леди.

В так называемый супервторник 5 февраля 2008 года, когда голосовали сразу 24 штата, Обама одержал победу на Среднем Западе, в штатах, находящихся на территории Великой равнины, и в большинстве южных штатов, Клинтон получила большинство голосов на северо-востоке. Несмотря на поддержку голливудских звезд и музыкантов, которые снимались в его предвыборном ролике под названием «Да, мы можем», Обаме не удалось одержать победу в Калифорнии. За него проголосовала большая часть белых жителей этого штата, однако Клинтон выиграла за счет поддержки избирателей латиноамериканского и азиатского происхождения. Хиллари удалось одержать победу и в Массачусетсе, где оба сенатора-демократа, Джон Керри и Эдвард Кеннеди, выступили в поддержку Обамы.

Любопытно, что впервые о президентских амбициях Обама объявил в законодательном собрании Иллинойса, где когда-то Авраам Линкольн произнес свою знаменитую речь, обличающую рабство. И хотя темнокожий сенатор подчеркивал, что выступает против того, чтобы этнические меньшинства имели преимущества перед белыми, уже на демократических праймериз стало очевидно, что афроамериканцы сплотились вокруг «своего» кандидата. В супервторник 82 % из них отдали свои голоса Обаме, и только 17 % поддержали Хиллари.

Вполне естественно, что Клинтоны пытались привлечь на свою сторону латиноамериканских избирателей, надеясь отыграть голоса, полученные Обамой благодаря безоговорочной поддержке чернокожего населения. В супервторник, например, за Хиллари проголосовали 63 % испаноязычного населения, и лишь 34 % отдали свои голоса сенатору от Иллинойса. Традиционно считается, что выходцы из Латинской Америки воспринимают афроамериканцев как главных конкурентов на рынке труда и поэтому враждебно настроены по отношению к чернокожим кандидатам. Однако, как отмечал в 2008 году профессор Вашингтонского университета Матт Баррето, этот миф не подтверждается на практике. «Благодаря поддержке латиноамериканских избирателей, – писал он, – четверо афроамериканцев

риканцев были избраны мэрами, а сам Обама получил место в Сенате США»¹³. И в этом смысле неудивительно, что на праймериз, которые проходили после супервторника, сенатору от Иллинойса удалось переманить часть латиноамериканцев с помощью своих сторонников из числа конгрессменов, представляющих интересы этой группы.

Результаты праймериз, прошедших в супервторник, продемонстрировали, что за схваткой Обамы и Клинтон стоят концептуальные противоречия между представителями разных поколений демократов. Клинтон поддержали 57 % избирателей старше 60. За Обаму же проголосовали 56 % молодых американцев, не достигших 30 лет. Стоит отметить, что данная возрастная группа составляет довольно большую часть населения США – это поколение получило название «эхо беби-бума».

Четвертого марта, в так называемый второй супервторник, неожиданная победа Хиллари Клинтон на праймериз Демократической партии в Огайо, Техасе и Род-Айленде, казалось, вернула интригу в ее противостояние с Баракком Обамой. Однако уже восьмого марта Обама обыграл бывшую первую леди в Вайоминге, а через два дня добился настоящего триумфа в Миссисипи. В этом штате за него проголосовали 61 % избирателей, тогда как Хиллари набрала лишь 37 % голосов. Вполне естественно, что Обама отказался от предложения штаба Клинтон выйти из игры и довольствоваться постом вице-президента. «Я завоевал в два раза больше штатов, чем Клинтон, я получил больше голосов, – заявил сенатор от Иллинойса. – И я не понимаю, как тот, кто находится на втором месте, может предлагать пост вице-президента тому, кто идет на первом»¹⁴.

Ходили слухи, что демократы намеренно сохраняют интригу на праймериз, чтобы на протяжении всей предвыборной кампании к ним было приковано внимание прессы, а те легкие уколы, которыми обмениваются Обама и Клинтон, не помешают им в дальнейшем работать в одной команде. Как заметил бывший политтехнолог президента Буша Карл Роув, «победа Маккейна на республиканских праймериз привела к тому, что сенатор от Аризоны исчез с первых полос. Пресса утратила к нему интерес, лишив бесплатной рекламы, и полностью сосредоточилась на противостоянии демократов»¹⁵. Однако ведущий консервативной радиопередачи Раш Лимбо, напротив, отмечал, что чем дольше Клинтон не выходит из президентской гонки, тем лучше для республиканцев. «Я хотел бы, чтобы Хиллари подольше оставалась в этой мыльной опере, – заявил он. – Пускай уж лучше она отыскивает компромат на сенатора Обаму»¹⁶.

Многие политологи отмечали, что в схватке с республиканским кандидатом Джоном Маккейном у Обамы намного больше шансов, чем у Клинтон. Согласно опросам общественного мнения, если бы выборы проводились в марте, за Клинтон проголосовали бы 50 %, а за Маккейна – 47 % избирателей. В противостоянии с Обамой сенатор от Аризоны получил бы лишь 44 % голосов, тогда как темнокожий кандидат мог бы рассчитывать на 52 %.

Было очевидно, что в случае победы Обамы на предварительных выборах он представит в образе харизматического лидера, которому удалось преодолеть сопротивление мощной политической машины. К тому же, большинство американцев считали, что за финальной схваткой Маккейна и Обамы наблюдать будет интереснее, а дебаты между этими кандидатами будут напоминать предвыборную борьбу 1972 года, когда маккартисту и ястребу Ричарду Никсону противостоял либерал и противник войны во Вьетнаме Джордж Макговерн.

¹³ Matt Baretto, The Latino vote is pro-Clinton, not anti-Obama. // Los Angeles Times. 2008. February. 7.

¹⁴ <http://edition.cnn.com/ELECTION/2008/results/president/>

¹⁵ Karl Rove on Campaign Strategy //The Washington Post. 2008. May. 7.

¹⁶ <http://www.rushlimbaugh.com>

ВЬЕТНАМСКИЙ ВЕТЕРАН ПРОТИВ ГАРВАРДСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Джон Маккейн к тому моменту уже успел выиграть борьбу на республиканских праймериз. И это несмотря на то, что в своей партии он считался белой вороной. Он призывал «объявить передышку в 16-летнем партийном противостоянии» и такие призывы воспринимались в штыки консервативными обозревателями, представляющими так называемое моральное большинство. В последние дни перед супервторником они объявили настоящий крестовый поход против Маккейна, называя его «вероотступником» и «троянским конем демократов». Журналистка Энн Колтер провозгласила даже, что в случае выдвижения Маккейна она готова агитировать за кандидата от Демократической партии Хиллари Клинтон, чьи взгляды представляются ей консервативнее взглядов сенатора от Аризоны. Консерваторы не могли простить Маккейну, что он обвинял их в религиозной нетерпимости и фанатизме. Кроме того, они не готовы были примириться с тем, что Республиканскую партию будет представлять кандидат, предложивший перевести на легальное положение 12 млн. иммигрантов, человек, который в частных беседах заявлял, что на посту президента будет поддерживать увеличение налогов.

Социал-консерваторы и евангелисты, которые дважды обеспечили победу Джорджа Буша на президентских выборах, по-прежнему оставались самой влиятельной силой в Республиканской партии. На праймериз их поддержкой пытались заручиться сразу два кандидата – экс-губернатор Массачусетса Митт Ромни и экс-губернатор Арканзаса Майк Хакаби. За Ромни агитировало большинство консервативных идеологов, однако многие евангелисты отказались голосовать за него, поскольку он является прихожанином мормонской церкви. «Люди должны понять, что мормонский культ не имеет ничего общего с традиционным христианством и, поддерживая Ромни, они отдают свой голос Сатане»¹⁷, – заявил фундаменталист Билл Келлер.

Часть фундаменталистов выступила в поддержку бывшего баптистского проповедника Майка Хакаби, который одержал победу в пяти штатах «библейского» пояса на юге США: Хакаби полюбился им фразой о том, что «аборты – это холокост». Но многие евангелисты отдали предпочтение Маккейну, привлеченные его лидерскими качествами и богатым политическим опытом. К тому же, большинству республиканцев импонировали внешнеполитические взгляды сенатора от Аризоны. Биограф Маккейна Мэтт Велш утверждал, что его «внешнеполитическая программа самая экспансионистская и милитаристская со времен Тедди Рузвельта»¹⁸. Именно образ ястреба позволил Маккейну привлечь часть консервативных избирателей, недовольных его центристской позицией по внутривнутриполитическим вопросам. Однако одержать победу Маккейну помогли как раз его центристские взгляды, которые обеспечили ему поддержку подавляющего большинства умеренных и либеральных республиканцев. Победе Маккейна, безусловно, способствовал и образ героя вьетнамской войны: за него голосовало большинство пожилых избирателей и ветеранов.

В июне победу на праймериз одержал и Обама. Незадолго до начала кампании известный американец Анатолий Уткин предсказывал, что президентские выборы 2008 года пройдут по традиционной схеме, когда северо-восточные штаты голосуют за демократов, а «провинциальный Юг и Запад встают навтыжку перед «патриотом и героем»¹⁹. Однако пара Маккейн – Обама, по мнению экспертов, должна была внести некоторые изменения в поли-

¹⁷ World Net Weekly. 2007. September. 10.

¹⁸ Matt Welch, McCain: The Myth of a Maverick. NY. 2007.

¹⁹ Интервью автора с А. Уткиным. 21 марта 2008.

тическую карту Америки. Ведь оба кандидата претендовали на роль общенационального лидера и призывали объявить передышку в партийном противостоянии. Каждый из них рассчитывал на голоса независимых избирателей и сторонников другой партии, ведь именно за счет этих голосов им удавалось одолеть своих конкурентов на предварительных выборах. Политологи рассуждали не только о «республиканцах Обамы», но и о «демократах Маккейна». «Великой старой партии, – говорил Митт Ромни, – будет сложно одержать победу, когда между ее кандидатом и кандидатом соперников нет особой разницы»²⁰. «Маккейн идет по натянутому под куполом цирка канату, – вторил ему директор Центра политических исследований при Университете штата Виргиния Ларри Сабато. – Он должен заручиться поддержкой консервативных республиканцев и в то же время найти способ поддерживать интерес к себе со стороны независимых избирателей»²¹. К тому же, Обама не вызывал у республиканцев такой аллергии, как Хиллари Клинтон, и бороться с ним оказалось намного сложнее. Даже главный имиджмейкер Маккейна, Марк Маккиннон, заявил, что будет чувствовать себя неудобно, разворачивая в прессе кампанию против темнокожего сенатора.

Однако борьба получилась острой, что стало для большинства политологов большой неожиданностью. За год-полтора до выборов никто не сомневался, что после двух сроков Буша победа демократам достанется почти автоматически. Объяснялось это как политической цикличностью (удержать Белый дом больше восьми лет одной партии удается редко), так и провальными результатами предыдущего правления. Но Джон Маккейн все же смог потрепать нервы своим соперникам, проведя весьма напористую и агрессивную предвыборную кампанию.

Республиканские обозреватели пытались раздуть миф о радикальных левых взглядах Барака Обамы. Они называли его «типичным демократом из Сан-Франциско», готовым возложить на Соединенные Штаты ответственность за все глобальные проблемы. При этом советники Маккейна отмечали, что всякий раз, когда Демократическая партия выдвигала либерального кандидата, он с треском проигрывал национальные выборы. Одержать победу удавалось лишь центристам из южных штатов, таким, как Джимми Картер и Билл Клинтон. По мысли республиканских идеологов, объясняется это тем, что традиционный электорат демократов голосует за «простого парня» и не доверяет политикам-интеллектуалам вроде Джорджа Макговерна, Майкла Дукакиса или Уолтера Мондейла.

Несмотря на неудачи республиканской администрации в Ираке и Афганистане, советникам Маккейна удалось сделать тему национальной безопасности главным коньком своего кандидата. Маккейн иронизировал по поводу того, как «молодой сенатор от Иллинойса будет справляться с обязанностями главнокомандующего американских войск и лидера свободного мира». И если Клинтон опасалась оттолкнуть от себя либеральных избирателей, обвиняя Обаму в чрезмерной мягкости в вопросах национальной безопасности, то вьетнамский ветеран начал активно разыгрывать эту карту. «Чтобы одержать победу над такими поджигателями войны, как сенатор Маккейн, демократы должны отказаться от политики страха»²², – заявил Обама на дебатах Демократической партии, которые предшествовали праймериз в Южной Каролине. Таким образом он давал понять, что правительство не имеет права обосновывать угрозой терактов любые антилиберальные меры.

Маккейн, который на протяжении двух последних десятилетий занимался вопросами внешней политики, обвинял Обаму в том, что в угоду общественному мнению он готов немедленно вывести войска из Ирака. Сенатор от Аризоны утверждал, что скорее проиграет выборы, чем будет молчаливо наблюдать за тем, как страна проигрывает войну. «Провал в

²⁰ The New York Post. 2008. June. 11.

²¹ The Forbes. 2008. July. 28

²² The New York Times. 2008. January. 14.

Ираке нельзя будет назвать провалом одной администрации или партии, – писал Маккейн в *Foreign Affairs*. – Это американская война, и ее результаты коснутся всех граждан США»²³.

Один из ведущих советников Джимми Картера, Гамильтон Джордан, отмечал, что Обама сможет одолеть Маккейна лишь в том случае, если заранее займется формированием правительства, предложив ключевые должности влиятельным демократам, которые обладают богатым политическим опытом. Многие эксперты считали, что это единственная возможность пресечь нападки республиканцев, утверждающих, что Обама не способен проводить адекватную внешнюю политику. К нему в команду прочили бывшего демократического сенатора Сэма Нанна, который долгое время занимался борьбой с распространением ядерного оружия, и республиканского сенатора и ветерана Чака Хагела, прославившегося своей критикой войны в Ираке.

Как нельзя кстати для Маккейна пришлись события на Кавказе в августе 2008 года. Сенатор от Аризоны уверял избирателей, что военные действия в Грузии подтверждают его тезис об экспансионистских устремлениях Кремля. На первых теледебатах, состоявшихся в сентябре, Маккейн старался разыграть грузинскую карту, обвинив своего оппонента в «политической наивности». «Барак не понимает, что Россия развязала серьезную агрессию против Грузии»²⁴, – заявил тогда республиканский кандидат.

Такой разницы в политическом опыте у кандидатов в президенты не было с тех пор, как на выборах 1940 года Франклину Рузвельту противостоял молодой республиканский кандидат Уэнделл Уилки. С другой стороны, Маккейн годился Обаме в отцы, и это, безусловно, не добавляло очков республиканцу. Указывать на преклонный возраст оппонента считается в Америке неприличным, но в случае Обамы и Маккейна контраст бросался в глаза. Как отмечал либеральный обозреватель Джонатан Альтер, «Обаме 46, а выглядит он на 40; Маккейну 71, а выглядит он ближе к 80»²⁵. Такой разницы в возрасте не было у кандидатов в президенты США еще никогда. Советники Обамы утверждали, что одно это даст ему огромное преимущество среди молодежи, большая часть которой и так без ума от его «политики стадионов». Республиканцы отвечали на это, что в Америке миллионы пожилых избирателей, которые ходят на выборы прилежнее, чем молодежь, и обычно предпочитают своих сверстников.

Конечно, первый в американской истории темнокожий кандидат, который имеет реальные шансы стать президентом, для афроамериканцев стал культовым персонажем, и отдать свой голос другому кандидату означало для них отказаться от собственной идентичности. Уже на демократических праймериз наблюдался рекордный процент явки среди темнокожих избирателей. И ожидалось, что в ноябре афроамериканцы не упустят возможности прийти на выборы и поучаствовать в победе «своего кандидата». Такая активность черной Америки вызывала беспокойство у многих граждан, которых сложно было уличить в расистских настроениях. Но поскольку победы Обамы вызывали ликование в черных кварталах, они не могли уже воспринимать его как общеамериканского кандидата. И хотя сам сенатор от Иллинойса отказывался акцентировать внимание на расовом вопросе, избиратели делали это за него.

Понимая, что черная Америка будет голосовать за Обаму, Маккейн, как и Клинтон, пытался привлечь на свою сторону латиноамериканцев. Ведь у него был богатый опыт взаимоотношений с этими избирателями, которые составляли огромную часть электората в его родном штате Аризона. Он рассчитывал даже, что «латинос» и сплоченные ветеранские организации позволят ему одержать победу в Калифорнии, где республиканцы не выигрывали с 1988 года.

²³ John McCain, *An Enduring Peace Built on Freedom*. // *Foreign Affairs*. November–December. 2007.

²⁴ McCain-Obama debate transcript // *Los Angeles Times*. 2008. September. 26.

²⁵ Johnatan Alter. *Scoping Out Obama vs. McCain* // *Newsweek*. 2008. February. 28.

Кроме того, сторонники Маккейна проводили кампанию среди американских евангелистов, утверждая, что если они не придут на избирательные участки, в Америке грядет царствие Антихриста. «Обама прав, когда говорит, что мир ждет такого, как он, харизматичного и яркого политика, похожего на мессию, – отмечал консервативный проповедник Хал Линдсей. – Библия называет такого лидера Антихристом. И, похоже, мир готов к его пришествию»²⁶. Республиканцы пытались убедить избирателей, что Барак Хусейн Обама не разделяет американские ценности: он учился в мусульманской школе в Индонезии, его духовный наставник пастор Джеремайя Райт проклинал в своих проповедях Соединенные Штаты, а его хороший знакомый Билл Айерс в 1969 году основал радикальную террористическую организацию с левыми взглядами Weather Underground.

Однако какие бы обвинения ни выдвигал Маккейн против Обамы, противопоставить что-то популярности темнокожего сенатора ему было сложно. Республиканский кандидат отставал от своего соперника и в размерах пожертвований на избирательную кампанию. «В своей партии я настоящая белая ворона – республиканец без денег», – шутил Маккейн. Обама, напротив, удавалось собирать внушительные суммы и размещать свою политическую рекламу на национальных телеканалах США.

Что интересно, оба кандидата говорили о необходимости кардинальных перемен в американской политике, утверждая, что нынешняя политическая система устарела. И получалось, что несмотря на некоторые идеологические расхождения, Обама и Маккейн играют на одном поле. Поэтому огромное значение имели их имидж и стилистика предвыборной кампании. Слоган Обамы «перемены, в которые мы верим» позволял создать образ «темнокожего Кеннеди», стремящегося к «новым рубежам». Слоган Маккейна «готов руководить страной с первого дня» заставлял вспомнить о политическом опыте кандидата. Если говорить об аналогиях, то чаще всего Маккейна сравнивали с республиканским президентом Дуайтом Эйзенхауэром. «У них много общего, – писал обозреватель Wall Street Journal Холман Дженкинс, – оба – герои войны, обещающие очистить Вашингтон от коррумпированных политиков. Оба – изгои в своей политической партии, выступающие в роли «отца нации»²⁷.

Однопартийцы воспринимали главных претендентов в борьбе за Белый дом как шоуменов, которые заиклены на собственной популярности, не соблюдают партийную дисциплину и недостаточно работоспособны. Многие республиканцы называли Маккейна «мавериком». В американском политическом лексиконе это слово обозначает индивидуалиста, бунтаря, человека, который не признает общепризнанных правил. «Мысль о том, что Маккейн может стать президентом, ужасает меня. Ведь он – настоящий сумасброд, – говорил сенатор от Миссисипи Тэд Кокрэн, который тридцать лет кряду работал с республиканским кандидатом. Такой образ, безусловно, вызывал интерес у журналистов, которые еще задолго до предвыборной кампании 2008 года сделали Маккейна одним из своих главных фаворитов. Скорее всего, это произошло еще тогда, когда молодой офицер, переживший шесть лет во вьетнамском плену, на костылях отправился в Белый дом на встречу с президентом Никсоном. Обама также был кумиром прессы. Начиная с его программной речи на съезде Демократической партии 2004 года, к нему было постоянно приковано внимание. Когда же он выставил свою кандидатуру в президенты, Америку охватила настоящая обамамания.

Вопреки американским политическим традициям два главных претендента на президентское кресло задолго до завершения карьеры выпустили свои автобиографические эссе. Книга Маккейна «Вера моих отцов», опубликованная в 1999 году, накануне республиканских праймериз, на которых сенатор от Аризоны уступил Джорджу Бушу, практически сразу стала бестселлером. То же самое произошло с лирическим сочинением Обамы «Мечты

²⁶ World Net Weekly. 2008. January. 8.

²⁷ Wall Street Journal. 2008. July. 19.

моего отца» и его книгой «Смелость надежды», которая была удостоена «Грэмми». Забавнее всего, что в этих авторских исповедях была заложена одна и та же идея. Она заключается в том, что любой человек может отказаться от своих эгоистических интересов ради служения общественному благу. Маккейн и Обама в подробностях рассказывали о своих духовных исканиях и личных переживаниях, что абсолютно нехарактерно для представителей американской элиты. По словам экспертов, оба кандидата скорее напоминали поп-идолов, чем прагматических политиков прошлого, и их появление на вашингтонском Олимпе знаменовало собой начало постмодернистской эпохи в американской истории

ДВОЕ НА ДВОЕ

Многое, конечно, зависело от того, кто будет назван кандидатом в вице-президенты. В девятнадцатом веке был популярен анекдот о том, как у одного человека было два сына: один стал моряком, другой – вице-президентом, и больше отец ничего о них не слышал. В веке двадцатом под воздействием так называемого «нулевого фактора» (все президенты за исключением Рейгана, избранные в нулевом году, умерли до истечения срока своих полномочий) роль потенциальных преемников главы государства стала куда более значимой. Среди вице-президентов, наследовавших высшую государственную власть, были Гарри Трумэн, Джеральд Форд, Джордж Буш-старший. Если же говорить об администрации Буша, ни для кого не было секретом, что первую скрипку в ней играл вице-президент Дик Чейни. И потому неудивительно, что мировые СМИ с нескрываемым интересом следили за тем, кого выберут себе в напарники два основных кандидата на президентское кресло.

Первым с выбором определился Барак Обама. Многие советовали ему остановиться на кандидатуре Хиллари Клинтон, которая была его главным конкурентом на демократических праймериз. Утверждалось, что она сумеет привлечь своих сторонников, которые пока относились к Обаме прохладно. На праймериз Клинтон заручилась поддержкой 18 млн. человек. Причем, по данным одного из опросов, чуть ли не половина из них не собиралась голосовать за темнокожего кандидата, а каждый пятый был намерен отдать голос республиканцу Маккейну. Однако, несмотря на такую статистику, Обама не согласился на альянс с бывшей первой леди США и остановил свой выбор на председателе сенатского комитета по международным отношениям Джоне Байдене.

Эксперты утверждали, что опытный международник Байден нужен Обаме для того, чтобы прекратить разговоры о его некомпетентности в области внешней политики. Кроме того, убежденный католик и представитель старой гвардии демократов Байден должен был помочь Обаме перетянуть на свою сторону ту часть электората, с которой у него возникли наиболее серьезные проблемы в ходе праймериз – католиков и производственных рабочих, так называемых «синих воротничков». С другой стороны, выбрав в напарники сенатора, который с 1972 года заседает на Капитолийском холме, Обама нарушил свое обещание разорвать с политическим истеблишментом, управляющим страной из Вашингтона и не знающим «реальной Америки». Правда, в истории Демократической партии уже был похожий эпизод, когда на выборах 1976 года критик вашингтонской политической системы Джимми Картер заключил тактический альянс с одним из ее представителей – Вальтером Мондейлом.

Кроме того, демократы вынуждены были объяснять избирателям, почему Байден согласился на предложение Обамы, хотя до этого не раз заявлял, что сенатор от Иллинойса не готов руководить страной. (Избирательный штаб Маккейна тут же начал использовать эти высказывания в своей пропаганде). Вызывал сомнение и тот факт, что демократам удастся раскрутить образ специалиста-международника. Подход Байдена к внешней политике многим казался чересчур оригинальным. Например, выступая с критикой военной кампании в Ираке, он предлагал раздробить эту страну на три части по религиозно-общинному принципу.

Своего кандидата в вице-президенты Обама представил на съезде Демократической партии, проходившем в конце августа. И уже вместе они появились на футбольном стадионе в Денвере, где их встречала 80-тысячная толпа американцев, охваченных «обамаманией». Такого шоу Америка не видела с тех пор, как Джон Кеннеди объявил о согласии баллотироваться в президенты перед 100 тысячами своих сторонников на стадионе Memorial Coliseum в Лос-Анджелесе. Выступление Обамы было приурочено к 45-й годовщине эпохальной речи Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта». И кульминацией шоу стали слова Обамы, пере-

кликающиеся со знаменитой фразой Кинга. «Наши судьбы неразрывно связаны, – заявил он, – и наши мечты могли бы стать одной мечтой»²⁸.

Декорации, которые были выбраны командой Обамы, вызвали едкие замечания со стороны его оппонентов. Сцену с античными колоннами и портиками, которая должна была вызвать ассоциации с мемориалом Линкольна, республиканцы тут же окрестили «храмом Обамы» и предложили сенатору от Иллинойса облачиться в римскую тогу. «Божественный Обама, – писала консервативная «Нью-Йорк пост», – произнес свою речь, как и положено императору мира, в собственном храме, куда он спустился с небес, чтобы облагодетельствовать простых смертных и изменить американцев настолько, что их не узнали даже отцы-основатели республики»²⁹.

Поскольку дизайн сцены разрабатывали художники, оформлявшие последний концертный тур Бритни Спирс, а на разогреве у демократического кандидата выступили Стиви Уандер и Шерил Кроу, у республиканцев вновь появились основания говорить о том, что Обама страдает звездной болезнью. По их словам, образ поп-идола, который так нравится демократическому кандидату, не соответствует слогану его кампании «Он – один из нас». Однако советники Обамы утверждали, что довольны эффектом, который произвело его выступление, и не собираются воспринимать всерьез критику республиканцев. «Мы хотели подчеркнуть, что перемены в Америке начинаются снизу, а не сверху, – заявил один из сотрудников предвыборного штаба Обамы Дэвид Плафф. – Было бы неразумно отказываться от этой идеи лишь из опасений, что выступление на стадионе даст повод для критики. Ведь в массовом движении – сила нашей кампании»³⁰.

Казалось, что после выступления Обамы, которое завершилось красочными фейерверками, республиканцам не удастся перетянуть одеяло на себя. Однако уже на следующий день Маккейн привлек к себе внимание журналистов, избрав в напарники губернатора Аляски Сару Хит Пэйлин. Это решение стало абсолютной неожиданностью для экспертов, однако многие из них восприняли его как гениальный тактический ход. 44-летняя избранница Маккейна, занявшая когда-то второе место на конкурсе красоты «Мисс Аляска», считалась убежденной рыночницей и противницей однополых браков. Она водила самолет, рыбачила, охотилась и состояла в Национальной стрелковой ассоциации, защищающей право на ношение оружия. Пэйлин прославилась своей принципиальной позицией по вопросу об абортах: в апреле 2008 года она родила пятого ребенка, несмотря на то что анализы показывали, что он явится на свет с синдромом Дауна. Старший сын Пэйлин, 19-летний Трэк, через несколько месяцев после окончания президентской кампании должен был отправиться в Ирак. В общем, сложно было представить себе кандидата, который бы в большей степени отражал ожидания традиционалистской Америки.

Политологи полагали, что решение Маккейна обеспечит ему поддержку избирателей, сыгравших ключевую роль в обеих победах Буша, – религиозных фундаменталистов и евангелистов. «Они в полном восторге, – утверждал бывший председатель Христианской коалиции Ральф Рид, – просто невозможно себе представить, насколько это решение важно для консервативного христианского сообщества»³¹. Узнав о выборе Маккейна, доктор Джеймс Добсон, один из виднейших христианских деятелей Америки, который в прошлом относился к республиканскому кандидату скептически, полностью поменял свое мнение. «Похожие

²⁸ The New York Times. 2008. August. 28.

²⁹ The New York Post. 2008. August. 29.

³⁰ The Denver Post. 2008. August. 30.

³¹ CBN News. 2008. August. 31.

чувства я испытывал во время инаугурации Рональда Рейгана, – заявил он. – Это один из самых волнующих моментов в моей жизни»³².

Однако 1 сентября настроение консервативных избирателей омрачила одна деталь: выяснилось, что 17-летняя дочь Сары Пейлин беременна. Либералы не нашли бы в этом ничего предосудительного. Но для консерваторов-евангелистов подростковая беременность – это скандал, а секс вне брака – недопустимый грех.

Надеясь привлечь консервативную часть электората, Маккейн пошел на серьезный риск. «Теперь он, скорее всего, проиграет Обаме в борьбе за голоса центристов, – утверждал социолог Дуглас Шон. – Отвергнув кандидатуры Джо Либермана и бывшего губернатора Пенсильвании Тома Риджа, которые призывали к преодолению партийных разногласий, Маккейн упустил возможность расширить электоральную базу республиканцев за счет независимых избирателей»³³.

Конечно, теоретически решение Маккейна могло привлечь под его знамена часть сторонниц Хиллари Клинтон, недовольных тем, что Обама не пригласил ее к себе в вице-президенты. Пэйлин сразу попыталась разыграть феминистскую карту, заявив, что «американские женщины все-таки добьются своего и займут один из высших государственных постов». «Это словно глоток свежего воздуха, – провозгласила член консервативной группы «Женщины за Америку» Дженис Кроуз. – Пэйлин выражает ценности большинства американских женщин»³⁴. Однако, как отмечала советница Хиллари Клинтон, Катерина Маклин, «женщины не будут выбирать кандидата в президенты по половому признаку, и представительница слабого пола не может рассчитывать на их безоговорочную поддержку»³⁵.

Некоторые эксперты утверждали, что назначение Пэйлин лишает Маккейна его главного преимущества, которое заключалось в том, что в отличие от своего соперника он обладает колоссальным политическим опытом. «Первое правило при выборе напарника по президентской гонке – не навредить, – утверждал бывший советник вице-президента Ала Гора Майкл Фелдман. – Конечно, Пэйлин может привлечь женскую часть электората, разочарованную результатами демократических праймериз, и не отпугнет традиционных республиканских избирателей, однако выбор Маккейна противоречит центральному лозунгу его предвыборной кампании – «с первого дня готов руководить страной»³⁶.

Как рассказывал соперник Пэйлин на губернаторских выборах 2006 года Эндрю Халкро, «она не представила никакой политической программы, а сделала ставку на природное обаяние». «Речь тогда шла не о политике и не о проблемах Аляски, – утверждал он. – Все объяснялось обыкновенными человеческими симпатиями. Это очень напоминает феномен Обамы»³⁷. Судя по всему, для Маккейна, который понимал, что уступает демократическому кандидату в харизме, было необходимо найти молодого напарника, способного заразить общество своей энергией. Но губернатору Аляски это явно оказалось не по силам. Пейлин запомнилась всем лишь сомнительными остротами вроде той, что «домохозяйку от бультерьера отличает губная помада».

В целом, как отмечал президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский, кандидаты, которые вышли на финишную прямую, представляли собой типичные голливудские типажи: дедушка-ветеран Вьетнамской войны, агрессивная женщина из провинции, благовоспитанный элитарный сенатор с Восточного побережья и, наконец, хорошо одетый

³² Citizen Link. 2008. August. 29

³³ Fox News. 2008. September. 6

³⁴ The Houston Chronicle. 2008. September. 3.

³⁵ The New York Times. 2008. September. 16.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

молодой популист с правильным цветом кожи, как говорил позже Сильвио Берлускони, а bronze»³⁸.

³⁸ Интервью автора с президентом Института Ближнего Востока Евгением Сатановским. 2012. Май. 8.

«ЕДИНАЯ АМЕРИКА»?

В сентябре 2008 года буквально накануне выборов в Америке грянул финансовый кризис, и по мере его развития, кресло президента США становилось все более сомнительным призом. Как утверждал профессор Йельского университета Пол Кеннеди, «то, что Джон Маккейн и Барак Обама так мечтают попасть в усеянный осколками былого величия Белый дом, говорит либо об их изумительной отваге, либо о пугающем отсутствии у них всякого воображения»³⁹. Некоторые эксперты выдвинули даже версию, что вашингтонская элита просто «подставила» неугодных ей лидеров – «маверика» Маккейна и чернокожего Обаму, предоставив одному из них расхлебывать последствия кризиса.

Как бы то ни было, кризис уменьшал шансы правящей партии удержаться у власти. И хотя Маккейн пытался дистанцироваться от политики Буша, на теледебатах американцы неизменно отдавали предпочтение его сопернику. Любопытно, что даже на первых дебатах, которые планировалось посвятить выигрышной для республиканца теме национальной безопасности и внешней политики, в первую очередь обсуждались экономические вопросы. «Если вы хотите узнать экономическую программу республиканского кандидата, посмотрите в зеркало заднего вида»⁴⁰, – заявлял Обама, а его политтехнологи проинформировали американцев о связях Маккейна с финансовым магнатом Чарльзом Китингом, который был признан виновным в мошенничестве с ценными бумагами.

Американский историк Джон Батлер объявил, что по накалу страстей схватку Обамы и Маккейна можно сравнить разве что с выборами 1800 года, когда в Соединенных Штатах только формировалась политическая система. Жесткое противостояние 2008 года, по его словам, объяснялось ее распадом. «Ждет ли Америку крах, постоянное политическое напряжение, падет ли она, раздираемая противоречиями? Во многом это будет решаться сейчас»⁴¹, – утверждал Батлер.

Когда 4 ноября Обама одержал победу на выборах, заручившись поддержкой 365 выборщиков и 69 миллионов избирателей (за Маккейна отдали голоса 173 выборщика и 59 миллионов избирателей), у многих в Америке было ощущение, что все было предрешено заранее. Кампания демократического кандидата напоминала театрализованное представление, в котором главная роль досталась талантливому импровизатору. Каждое его выступление вызывало в стране новую волну обамамании. И хотя до начала кампании разделительные линии между синими (демократическими) и красными (республиканскими) штатами казались незыблемыми, Обаме удалось внести серьезные изменения в политическую карту Америки. Он одержал победу в Айове, Колорадо, Нью-Мексико, Вирджинии и Неваде – штатах, которые на выборах 2004 года поддержали Джорджа Буша. Он получил большинство голосов и в штате Индиана, который не голосовал за демократов со времен Линдона Джонсона. Кроме того, Обама перетянул на свою сторону колеблющиеся штаты, такие, как Огайо и Пенсильвания, в которых решающую роль играли голоса независимых избирателей. Как мы уже говорили, Маккейн поначалу также играл на центристском поле, однако после того как он выбрал консервативного губернатора Аляски Сару Пейлин кандидатом в вице-президенты, умеренные демократы и независимые избиратели от него отвернулись.

После победы на выборах Обама вновь заговорил о преодолении партийных противоречий: «Я обращаюсь к тем американцам, которые не поддержали мою кандидатуру на выборах: я буду и вашим президентом, – провозгласил он на митинге в Чикаго. – Как отмечал

³⁹ Kennedy Paul, The unintended consequences. //The New York Times. 2008. October. 7

⁴⁰ McCain-Obama debate transcript // Los Angeles Times. 2008. September. 26.

⁴¹ Интервью автора с профессором Йельского университета Джоном Батлером. 2008. Сентябрь. 15.

Авраам Линкольн в своем обращении к нации, которую в тот момент раздирали куда более серьезные противоречия, «мы не враги, а друзья. И хотя сейчас в стране бушуют страсти, они не разорвут связывающие нас нити»⁴².

Во многом победа Обамы стала возможна благодаря рекордной явке избирателей, которая составила 64 %. Для Америки это был абсолютно невероятный показатель, ведь до этого довольно долгое время явка не превышала и 50 %, и ключевую роль в выборе президента играло радикальное меньшинство консерваторов-евангелистов. По словам британского политолога Анатоля Ливена, «большинство американцев не ходили на выборы. В стране царила потрясающая политическая апатия. И это давало евангелистам, представляющим 10 % населения, чересчур большую власть в формировании американской повестки дня»⁴³.

Однако в 2008 году яркая предвыборная кампания демократического кандидата и финансовый кризис, разразившийся за полтора месяца до выборов, привели на избирательные участки тех, кто до этого никогда не голосовал. Обамамания охватила голливудские студии, университетские кампусы, черные кварталы и латинские гетто. «Я думаю, на наших глазах происходит формирование новой коалиции американских избирателей. Латиноамериканцы, афроамериканцы и молодежь выступили на этих выборах единым фронтом»⁴⁴, – утверждал гарвардский политолог Дэвид Герген. Обама стал настоящим идиолом молодой Америки. «Он нравится молодежи, – утверждал либеральный идеолог Майкл Уолцер, – поскольку является постмодернистским политиком, которому удалось сгладить расовые противоречия и, возможно, удастся преодолеть идеологические разногласия»⁴⁵. За демократического кандидата проголосовали около 70 % молодых избирателей.

После триумфа Обамы многие стали вспоминать излюбленный сценарий американских фантастических фильмов: Соединенные Штаты под властью темнокожего президента стоят на пороге апокалипсиса, будь то природная катастрофа, глобальный кризис или нашествие инопланетян. Эксперты до последнего момента сомневались, что победа темнокожего кандидата возможна в традиционалистской Америке, где на протяжении двух столетий президентами были лишь белые англосаксы протестантского вероисповедания. И хотя католику Джону Кеннеди однажды уже удалось завоевать Белый дом, сложно было поверить, что в этом преуспеет афроамериканец Обама. Мартин Лютер Кинг, о котором вспомнил вновь избранный президент в своей победной речи на митинге в Чикаго, не мог себе представить такого даже в самых смелых мечтах. Политологи утверждали, что, хотя Обама опережает своего соперника в опросах общественного мнения, против него играет так называемый фактор Брэдли. В 1982 году чернокожий мэр Лос-Анджелеса Том Брэдли проиграл губернаторские выборы в Калифорнии, хотя опросы сулили ему победу. С тех пор эксперты в своих расчетах старались учитывать тот факт, что определенная часть избирателей из соображений политкорректности боится признаться, что не будет голосовать за черного кандидата. В случае с Обамой фактор Брэдли не сработал прежде всего благодаря позиции сенатора от Иллинойса, который сознательно избегал темы расовых противоречий и старался предстать в роли общеамериканского кандидата. «Нет ни черной Америки, ни белой Америки, ни латиноамериканской Америки, ни азиатской Америки – есть Соединенные Штаты Америки»⁴⁶, – заявлял Обама. И, похоже, ему удалось убедить американцев в искренности своих слов. Согласно данным опроса, проведенного газетой Wall Street Journal и телеканалом NBC,

⁴² Chicago Tribune. 2008. November. 5.

⁴³ The International Herald Tribune. 2008. November. 17.

⁴⁴ USA Today. 2008. November. 19.

⁴⁵ The International Herald Tribune. 2008. November. 11.

⁴⁶ The New York Times. 2008. August. 3.

8 из 10 респондентов заявили, что на посту президента Обама не будет ставить интересы темнокожих выше интересов остальной Америки.

Будучи уверенным в поддержке афроамериканцев, демократический кандидат сосредоточился на борьбе за голоса белых избирателей. В какой-то степени белая Америка уже была подготовлена к тому, что Овальный кабинет может занять темнокожий политик, поскольку двух последних государственных секретарей-афроамериканцев – Колина Пауэлла и Кондолизу Райс – долгое время прочили в президенты. Однако на демократических праймериз Обаму поддержали лишь белые интеллектуалы и представители среднего класса, а квалифицированные рабочие, так называемые синие воротнички, отказались отдать ему свои голоса. Поэтому так важно было заручиться поддержкой старой гвардии демократов, которая традиционно пользуется популярностью в американских профсоюзах. Незадолго до выборов Обама появился на митинге во Флориде в сопровождении кумира белых рабочих, бывшего президента США Билла Клинтона, и это, безусловно, принесло ему дополнительные очки. В итоге за сенатора от Иллинойса проголосовали около 40 % белых избирателей, чьи взгляды очень точно отражала характеристика, которую дал Обаме сенатор Джо Байден еще задолго до того, как стал его напарником по предвыборной борьбе: «Это первый конформистский афроамериканец, который может ясно выражать свои мысли, умный, чистый и приятный на вид парень»⁴⁷.

Обаме удалось создать образ реформатора, который, с одной стороны, призывал к радикальным переменам, а с другой – стремился обеспечить историческую преемственность. Неслучайно в своих речах он то и дело возвращался к наследию легендарных американцев. Его обращение к нации на митинге в Чикаго после победы на выборах перекликалось с двумя самыми известными выступлениями в истории Соединенных Штатов – геттигсбергской речью Авраама Линкольна и словами, произнесенными Мартином Лютером Кингом за день до своей гибели. Эти персонажи оказались в центре внимания и во время инаугурационных торжеств. Обама принес присягу на Библии Линкольна, а незадолго до инаугурации по его примеру проехал на поезде по маршруту Филадельфия – Вашингтон. Кингу был посвящен концерт «Мы едины», который состоялся 19 января 2009 года за день до принятия присяги.

Несмотря на экономический кризис, команда Обамы не захотела ударить в грязь лицом и завершила политическое шоу на бравурной ноте. По словам экспертов, на инаугурационные торжества было потрачено около \$150 млн. Для сравнения: инаугурация Буша в 2005 году обошлась в \$42 млн., а Билл Клинтон в 1993 году уложился всего в \$33 млн. На церемонии инаугурации присутствовали 2,5 млн. человек. Как отмечала британская газета *The Times*, «в США остался единственный быстрорастущий сектор экономики, в который вкачиваются колоссальные суммы денег, – это подготовка к инаугурации нового президента». Цены на номера в вашингтонских отелях достигли астрономических высот, а билеты на церемонию, которые вначале распространялись бесплатно, 19 января продавались на черном рынке за \$40 тыс. Не менее прибыльной оказалась продажа сувениров, связанных с инаугурацией: американцы скупали шарфы, футболки и брелки с изображением Обамы. Его атрибутика появилась даже на туалетной бумаге и сексуальных игрушках.

Конечно, американцы связывали с новым президентом большие ожидания. Согласно опросу, проведенному газетой *The New York Times*, 79 % из них с оптимизмом смотрели в будущее. И это несмотря на экономическую рецессию и две войны, которые развязала предыдущая администрация. Американцам вообще свойственно давать определенный карт-бланш новому хозяину Белого дома. Например, в 2000 году они полностью доверились

⁴⁷ The Los Angeles Times. 2007. January. 17.

Бушу-младшему, чья решительность и простота так выгодно отличали его от клинтоновской команды.

Эксперты гадали, как долго продлится медовый месяц в отношениях американцев с Обамой. Во многом это зависело от того, сможет ли он отказаться от роли поп-идола ради повседневной рутинной работы и удастся ли ему сгладить противоречия между республиканцами и демократами. Его знаменитое выступление на съезде Демократической партии 2004 года, в котором он призвал к межпартийному единству, понравилась тогда консервативным комментаторам. «Прекрасная речь, да не та партия», – писали они. «В течение восьми лет у власти находилась администрация, которая только углубляла политический раскол в Америке, – писал британский журнал *The Prospect*. – В итоге страна устала от схватки между кланами Бушей и Клинтонов и идеологических сражений между евангелистами и секуляристами»⁴⁸. И многие надеялись, что Обама, который чтит традиции и с особым пиететом относится к истории США, сможет достучаться до республиканцев. Однако, как утверждал неоконсерватор Уильям Кристол, склонность нового президента к компромиссу сближает его со Стивеном Дугласом – кандидатом от Демократической партии на выборах 1860 года, который, в отличие от республиканца Линкольна, пытался примирить враждующие фракции накануне Гражданской войны.

У британцев призывы Обамы к межпартийному единству вызывали неприятные ассоциации с идеологией «третьего пути», предложенной Тони Блэром в 1997 году. «Я уже знаю, что ждет тебя в будущем, Америка, – заявлял автор *The Spectator* Джеймс Делинпол, – благодаря природному обаянию своего лидера левые либералы приберут страну к рукам. И однажды американцы проснутся в состоянии тяжелого похмелья и увидят, что их карманы пусты, их собственность растворилась в виртуальном мире, на улицах бесчинствуют преступники, а традиционные свободы стали игрушкой в руках бюрократии»⁴⁹.

Однако если в начале 2008 года Обама, действительно, находился под влиянием левых либералов, которые провозгласили его «темнокожим Кеннеди», придя к власти он начал заигрывать с консерваторами. «Новый президент выступает за межпартийное согласие, – заявил незадолго до инаугурации представитель Республиканской партии в Конгрессе Эрик Кантор. – И это не пустые слова»⁵⁰. За время переходного периода Обама успел встретиться со всеми ведущими республиканцами, а также включить в свою экономическую программу требование о снижении налогов.

Бывшие сторонники из левого крыла Демократической партии только разводили руками. Крайне символичной многим экспертам показалась встреча ныне живущих президентов США, на которой Обама предстал в синем республиканском галстуке. А когда за несколько дней до инаугурации он поужинал в компании ведущих неоконсерваторов в доме колумниста *The Washington Post* Джорджа Уилла, у левых радикалов исчезли последние сомнения. «Либерал Обама делит хлеб со своими недавними врагами – Уильямом Кристолом и Чарльзом Краутхаммером, – отмечала *The Los Angeles Times*. – Не означает ли это обращение в новую веру?»⁵¹ На следующий день после торжественного ужина с консерваторами словно в насмешку над своими левыми сторонниками Обама провел для них дежурную пресс-конференцию в офисе переходной администрации.

Еще одним ударом для левых либералов стало приглашение на инаугурацию преподавателя Рика Уоррена, который проводил в Калифорнии кампанию в защиту так называемой восьмой поправки о запрещении однополых браков. Ньюгемпширский епископ-гей Джин

⁴⁸ *The Prospect*. 2008. July. 14.

⁴⁹ *The Spectator*. 2008. November. 28.

⁵⁰ *Congressional Record*. 110th Congress (2007–2008).

⁵¹ *The Los Angeles Times*. 2009. January. 17.

Робинсон назвал этот шаг «пощечиной» организациям, которые борются за права сексуальных меньшинств. Однако либеральная газета The Boston Globe поддержала решение Обамы, объяснив его желанием нового президента «включить евангелистов в правительство национального единства». По словам преподобного Джима Уоллиса, «то, что молитву на инаугурации прочел Уоррен, неслучайно. Это очень в духе Обамы – попытаться привлечь на свою сторону консервативных христиан, которые были его основными критиками во время предвыборной кампании. Уоррен – настоятель огромной епископальной церкви, имеющей 22 тыс. прихожан, который к тому же стал кумиром молодых евангелистов после выхода в свет бестселлера «Целеустремленная жизнь»⁵². Правда, стоит отметить, что Обама остался верен своим экуменическим принципам и пригласил на инаугурационные торжества епископа Робинсона, который, по его замыслу, должен был послужить противовесом Уоррену.

⁵² The Boston Globe. 2009. January. 22.

БОРЬБА С ВЕТРЯНЫМИ МЕЛЬНИЦАМИ

Известный политолог Фрэнсис Фукуяма, тот самый Фукуяма, который после крушения Советского Союза провозгласил «конец истории», пытался уверить американцев, что на смену эпохе Рейгана в США пришла эпоха Обамы. «Демократическая администрация Клинтона, – утверждал он, – в свое время не смогла осуществить переворот: она сохранила основные идеи рейганизма, лишь немного сдвинув политический курс влево. Обама же будет вынужден полностью поменять американское мировоззрение. И к этому его обязывает не только риторика перемен, но и такие объективные факторы, как финансовый кризис и изменение баланса сил на мировой арене»⁵³.

Для большинства экспертов было очевидно, что в результате кризиса, который угрожает гегемонии доллара и ставит под сомнение жизнеспособность американской экономической модели, Соединенным Штатам придется поумерить свои амбиции. И в этом смысле заслуживал внимания доклад Национального совета по разведке, приуроченный к приходу в Белый дом новой администрации. В 2004 году в аналогичном документе утверждалось, что США сохранят свое доминирующее положение до 2020 года, в докладе 2008 года уже говорилось о многополярном мире, в котором не менее важную роль будут играть такие страны, как Китай, Россия, Индия, Бразилия и Иран.

Придя к власти в столь непростое для Америки время, Обама попытался обратиться к опыту своих предшественников, управлявших Соединенными Штатами в период кризиса. Прежде всего, речь идет об Аврааме Линкольне, который был президентом в эпоху Гражданской войны, и Франклине Рузвельте, находившемся у власти во время Великой депрессии. Эти лидеры использовали при формировании своей администрации похожий принцип: они создавали «команду соперников», в которую входили не простые исполнители, а яркие политики, отстаивающие разные точки зрения и всегда готовые вступить в противоборство. Президент возвышался над схваткой и принимал решения после ожесточенной дискуссии в кабинете министров. Еще в переходный период в интервью телекомпании CBS Обама заявил, что собирается взять эту модель на вооружение.

Вопрос был только в том, где найти подходящие кадры. Политическая сцена США, к сожалению, не изобиловала яркими фигурами, и выбор у нового президента был невелик. В теории он, конечно, мог рассуждать о «команде соперников», но за исключением умеренного республиканца, шефа Пентагона Роберта Гейтса, ему некого было противопоставить старой клинтоновской гвардии. И несмотря на то, что во время предвыборной кампании Обама позиционировал себя как критик вашингтонской политической элиты, при формировании администрации он, не мудрствуя лукаво, предложил ключевые посты партийным бонзам, связанным с четюю Клинтонов. Главой администрации Белого дома он сделал бывшего советника Клинтона Рама Эмануэля, а министром юстиции – Эрика Холдера, который в предыдущей демократической администрации занимал пост заместителя генпрокурора. На важнейшую в период кризиса должность главы Минфина был назначен Тимоти Гейтнер, который при Клинтоне был заместителем министра финансов. Его бывший начальник Лоренс Саммерс в администрации Обамы стал главой Национального экономического совета. Грег Крейг, старинный друг Хиллари Клинтон, который представлял интересы ее супруга во время импичмента, занял пост советника Белого дома по юридическим вопросам. Ну и, наконец, сама Хиллари возглавила Государственный департамент. «К чему все

⁵³ Francis Fukuyama. A New era. // The American Interest. 2008. November. 9.

наши усилия последних лет, – вопрошал один из партийных активистов, участвовавших в движении Обамы за перемены, – если сейчас мы наблюдаем реставрацию Клинтонов?»⁵⁴

Конечно, призывая оставить в прошлом партийные противоречия, Обама имел в виду не только противостояние с республиканцами, но и соперничество в рядах Демократической партии, которое особенно ярко проявилось во время праймериз. После поражения на предварительных выборах Хиллари Клинтон стала агитировать избирателей в пользу своего бывшего соперника, и, возможно, это сыграло решающую роль в победе Обамы. Как известно, долг платежом красен, но означало ли это, что курс на перемены должны проводить люди, вызывающие стойкие ассоциации с прошлой эпохой?

Существовала версия, что Обама – это политический проект клинтоновской элиты, разработанный на случай провала бывшей первой леди. Этот проект позволил демократам сохранять интригу на праймериз и приковывать к себе внимание прессы на протяжении всей предвыборной кампании. Когда стало очевидно, что Обама имеет больше шансов, чем Клинтон, в борьбе с республиканским кандидатом, его бросили на амбразуру, однако, по сути, это ничего не меняло. Так или иначе, к власти должны были вернуться представители клинтоновской гвардии, которые в экономике придерживались консервативно-центристских взглядов, а во внешней политике ратовали за проведение гуманитарных интервенций.

Левое крыло Демократической партии воспринимало поведение Обамы как предательство общих интересов. Во время праймериз советник темнокожего кандидата Саманта Пауэр назвала Хиллари Клинтон монстром. Конечно, после этого ей пришлось принести извинения и покинуть команду сенатора от Иллинойса, однако ее слова во многом отражали настроения, царившие в предвыборном штабе Обамы. Поэтому происходящая реставрация Клинтонов вызывала недоумение в лагере сторонников радикальных перемен. Как заявил один из активистов антивоенного движения Том Гайдн, «я не понимаю, что происходит. Это даже не сдвиг в сторону центра, это возврат в прошлое»⁵⁵. «Как назначение министров и советников, выступающих за продолжение войны, может быть оправдано их компетентностью и опытом?»⁵⁶ – вопрошал другой пацифист, Гленн Гринвальд. По словам *The Nation*, издания, которое считается библией левых радикалов, «ни один прогрессивно мыслящий политик не был даже упомянут во время формирования кабинета Обамы»⁵⁷.

Финансовый блок был отдан на откуп консервативным центристам. Саммерс и Гейтнер являлись протеже легендарного секретаря казначейства Роберта Рубина и сторонниками системы дерегулированного капитализма, которая, по словам самого Обамы, привела к финансовому коллапсу. В 1999 году именно Саммерс, занимавший тогда пост министра финансов, добился отмены закона Гласса – Стигалла, принятого администрацией Франклина Рузвельта для обеспечения контроля за банковской системой.

Эта мера предоставила неограниченную свободу действий инвестиционным и хедж-фондам, которые начали раздувать финансовые пузыри. Среди главных нововведений своей команды Саммерс и Гейтнер называли практику обмена долговых обязательств на акции и развитие рынка деривативов. Как известно, эти нововведения и спровоцировали катастрофу на Уолл-стрит. В тот момент, когда она разразилась, Гейтнер находился на ключевом посту президента Федерального резервного банка Нью-Йорка, и его антикризисная программа мало чем отличалась от проектов администрации Буша. Многие эксперты отмечали, что, поставив разгрести последствия кризиса его главных архитекторов, Обама загнал себя в тупик. Однако сам избранный президент США оправдывал свое решение тем, что в 1990-

⁵⁴ *The Nation*. 2008. December. 10.

⁵⁵ *Ibidem*.

⁵⁶ *The New York Times*. 2008. December. 3.

⁵⁷ *The Nation*. 2008. December. 10.

е годы политика Саммерса и Гейтнера привела к самому продолжительному экономическому росту в истории Америки, в результате которого было создано более 20 млн. рабочих мест, а доходы граждан достигли рекордной отметки. Но как писал по этому поводу журнал *The Economist*, «взяв в свою администрацию представителей команды Клинтона, Обама не сможет вернуть эпоху экономического роста и низкого уровня безработицы»⁵⁸. Еще одним аргументом Обамы в защиту бывших клинтоновских финансистов был их опыт в борьбе с финансовыми кризисами конца 1990-х – в Восточной Азии, России и Латинской Америке. Только в чем заключался этот опыт? Сторонники Вашингтонского консенсуса, они сыграли важнейшую роль в разработке пакета реформ шоковой терапии, введенного в разгар азиатского кризиса 1997 года в Южной Корее, Таиланде и Индонезии. «Если таким же способом они собираются бороться с нынешним кризисом, – говорили многие политологи, – можно забыть о «новом курсе» Обамы». Сложно было поверить также, что назначенные президентом чиновники согласятся на изменения в финансовой архитектуре мира. Ведь оба экономиста работали в международных финансовых институтах, Гейтнер – в МВФ, Саммерс – во Всемирном банке, и были заинтересованы в сохранении существующей системы.

Эксперты стали сомневаться и в возможности перемен во внешней политике. Все более иллюзорным представлялось обещание Обамы вывести войска из Ирака в течение 16 месяцев после прихода к власти. Не случайно, 27 ноября 2008 года иракский парламент согласился продлить срок пребывания американского воинского контингента еще на три года.

Назначения в состав «военного» кабинета доказывали, что Обама не хочет прослыть пораженцем. Республиканец Роберт Гейтс, который сохранил за собой пост министра обороны, всегда отвергал идею точного расписания вывода американских войск из Ирака, и, если бы Обама настаивал на выполнении своих предвыборных обещаний, убедить главу Пентагона остаться на своем посту было бы крайне сложно. Не менее показательным стало назначение на должность советника по национальной безопасности сторонника Маккейна генерала Джеймса Джонса, бывшего командующего силами НАТО. Хиллари Клинтон, которая возглавила Госдепартамент, также не обещала быстрого вывода войск с Ближнего Востока и на демократических праймериз не раз осуждала радикальную позицию Обамы.

Некоторые эксперты продолжали настаивать, что назначение Клинтон объяснялось желанием Обамы сформировать «команду соперников» и заручиться поддержкой демократов, голосовавших за нее на предварительных выборах. Хиллари сравнивали с госсекретарем рузвельтовской администрации Корделлом Халлом, который обладал большим влиянием в Демократической партии и поэтому получил свой пост, однако так и не сумел войти в ближний круг президента и постепенно превратился в маргинальную фигуру в кабинете министров. Вспоминали и о негласной традиции в политической жизни США, существующей еще со времен Джона Квинси Адамса и Генри Клея, согласно которой проигравший на предварительных выборах кандидат получал Госдепартамент в качестве утешительного приза.

«Трения между Госдепом и Белым домом являются лейтмотивом американской истории»⁵⁹, – утверждал профессор университета Северной Каролины Майкл Хант. Однако, колумнист *The New York Times* Томас Фриман придерживался противоположной точки зрения. «Успехи во внешней политике зависят от того, сложились ли отношения президента и госсекретаря, – писал он. – Примером для подражания должно быть сотрудничество Ричарда Никсона и Генри Киссинджера, а также Джорджа Буша-старшего и Джеймса Бейкера. Такое понимание не может возникнуть между недавними соперниками, которые принадлежат к

⁵⁸ *The Economist*. 2008. December. 16.

⁵⁹ *The New York Times*. 2008. November. 29.

разным поколениям и политическим традициям»⁶⁰. Тем не менее, эксперты были убеждены, что в новом кабинете не возникнут философские разногласия наподобие тех, что существовали в первой администрации Буша между «голубями» Колина Пауэлла и «ястребами» Дика Чейни.

В подходах Клинтон и Обамы к внешней политике, безусловно, были точки пересечения: оба они стремились улучшить репутацию Америки в мире и выступали за увеличение численности воинского контингента в Афганистане. Правда, Хиллари прославилась своими жесткими заявлениями по иранскому вопросу и вряд ли смогла бы представлять Америку на переговорах с Тегераном, к проведению которых призывал Обама. К тому же она занимала чересчур произраильскую позицию, что во многом объяснялось влиянием еврейского лобби в ее избирательном округе – штате Нью-Йорк.

Несмотря на то, что во время праймериз Обама заявлял, что внешнеполитический опыт Клинтон ограничивается фуршетами с иностранными послами, это, конечно, было не совсем так. Да, Хиллари всегда хотелось преувеличить свою роль во внешней политике, и в данном случае хрестоматийным примером стал ее рассказ об обстреле, которому она подверглась в Боснии, тут же опровергнутый всеми мировыми СМИ. Однако, будучи первой леди, она сумела выстроить отношения со многими мировыми лидерами. Клинтон принимала в Белом доме находившуюся в изгнании Беназир Бхутто, муж которой Асиф Зардари стал в 2008 году президентом Пакистана. В 1990-е годы Хиллари посетила 80 стран и запомнилась всем дипломатическим тактом и изяществом. Кроме того, она приобрела определенные внешнеполитические навыки в Сенате, где являлась членом комитета по вооруженным силам и занималась проблемами, связанными с военными действиями в Ираке и Афганистане. Ее избирательную кампанию поддерживали ведущие американские дипломаты из обеих партий, в том числе Генри Киссинджер и Ричард Холбрук. И ожидалось, что многие из них войдут в ее мини-кабинет в составе Госдепартамента.

С другой стороны, некоторые эксперты предупреждали, что Хиллари может не справиться со своими новыми обязанностями, поскольку не обладает управленческими талантами: она потерпела поражение на праймериз, хотя считалась абсолютным фаворитом, а в 1990-е годы полностью провалила реформу здравоохранения. Многие говорили о том, что у нее могут возникнуть проблемы с вице-президентом Джо Байденом, который возглавлял сенатский комитет по международным отношениям и являлся признанным специалистом в этой области, да и с президентом ей, скорее всего, не избежать разногласий. «Возможно, Обама еще пожалеет о своем решении назначить главой Госдепа такую независимую фигуру, – отмечал *The Washington Post*. – Внешняя политика – это та сфера, в которой новый президент мог бы проявить себя, и в высшей степени неразумно делить лавры с Хиллари и ее свитой»⁶¹.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ *The Washington Post*. 2008. December. 15.

ПЕРВЫЕ ШАГИ: ЭПОХА КОМПРОМИССА

Каждая новая администрация в первую очередь отменяет порядки, заведенные ее предшественниками из другой партии. И когда Барак Обама, считавшийся самым либеральным членом Сената, занял место консерватора Джорджа Буша, ни у кого не возникало сомнений, что в Америке произойдет демонтаж системы, созданной республиканцами. Советники Обамы начали готовиться к этому за несколько месяцев до ноябрьских выборов и даже составили приблизительный список бушевских эдиктов, которые новый президент сможет отменить одним росчерком пера. Тем не менее, как заявил в феврале 2009 года стратег Демократической партии Мэтт Бенент, оказавшись в Белом доме, люди Обамы «не повторяют ошибки Буша, сметавшего все, на чем был отпечаток пальцев президента Клинтона. Они стараются выплеснуть воду, оставив в купели ребенка»⁶².

Центральным лозунгом своей предвыборной кампании Обама сделал обещание перемен и поэтому, придя к власти, не мог отказаться от символических жестов, вызывавших по всему миру новые приступы «обамамании». Таким жестом, безусловно, стал указ о закрытии спецтюрьмы в Гуантанамо, которая оказывала крайне негативное влияние на образ Америки в мире и ассоциировалась с пытками и произволом военных трибуналов. Правозащитники указывали, что в Гуантанамо представители американской армии одновременно выполняют функции тюремщиков, судей и присяжных, и рассуждали о несовместимости таких порядков с ценностями, закрепленными в Конституции США. Обама подхватил эти обвинения и в присущей ему афористичной манере заявил, что Америка должна отвергнуть «ложный выбор между безопасностью граждан и их идеалами»⁶³.

Конечно, новому президенту хотелось предстать в роли канатоходца Тибула, разгромившего тюрьму Трех Толстяков, но, в итоге, закрытие Гуантанамо оказалось популистским лозунгом, который невозможно реализовать на практике. «Решение закрыть лагерь для военнопленных на островной базе в Гуантанамо, – писал редактор журнала *The American Thinker* Рик Моран, – это продолжение политического шоу, которое началось в 2007 году. Обама пора уже понять, что предвыборная кампания закончилась и на смену популизму должен прийти прагматизм»⁶⁴. Очевидно, что демократическая администрация не знала, что делать с заключенными, которые находились в Гуантанамо, как их судить и можно ли надеяться, что, оказавшись на свободе, они не организуют новый теракт наподобие 11 сентября.

Тем более что, согласно отчетам спецслужб, по меньшей мере 60 из 500 освобожденных узников этой тюрьмы были вновь замешаны в антиамериканских террористических операциях. «Президент ставит чаяния толпы выше здравого смысла и жертвует безопасностью США в угоду весьма сомнительным символам, – отмечал член комитета Палаты представителей по разведке республиканец Петер Хоекстра. – Это плохой знак для любой администрации, особенно когда верховный главнокомандующий так мало смыслит в вопросах национальной безопасности»⁶⁵. Даже некоторые правозащитники выступали против закрытия Гуантанамо на том основании, что бывших заключенных могут выслать на родину, где их судьба окажется намного плачевней, чем в Соединенных Штатах.

Желая избавиться от наследия предыдущей администрации, Обама объявил также о закрытии тайных тюрем ЦРУ за границей и издал указ о запрещении методов допроса, не зафиксированных в Полевом уставе армии США. Что касается тюрем, то, как и в случае с

⁶² Chicago Tribune. 2009. February. 17.

⁶³ <http://www.whitehouse.gov/>

⁶⁴ The American Thinker. 2009. March. 4.

⁶⁵ The Congressional Record 111 th Congress (2009–2010)

Гуантанамо, вставал вопрос о судьбе заключенных, а ограничение деятельности спецслужб могло отразиться на их эффективности. Консерваторы предупреждали, что «эдикт нового президента возродит в ЦРУ характерный для клинтоновской эпохи страх перед рискованными действиями, когда разведчики несколько раз видели Бен Ладена в перекрестии прицепа, но боялись нажать на курок без санкции юрисконсульта». И как бы ни нравился Обаме образ президента-освободителя, такие настроения в спецслужбах он допустить не мог. Не случайно, подписав указы, которые вызвали ликование среди левых либералов, он тут же огорошил их постановлением о создании специальной комиссии, которая в очередной раз должна была определить, что следует считать недопустимыми методами допроса. «Новый президент, – писал консервативный колумнист Чарльз Краутхаммер, – не будет принимать решения на основе предвыборной риторики. В ближайшее время он пересмотрит отношение к наследию предыдущей администрации и найдет достоинства в концепции власти и безопасности, разработанной Диком Чейни»⁶⁶.

Для первых дней Обамы вообще были характерны половинчатые меры. Взять хотя бы указ, запрещающий принимать на работу в новую администрацию лоббистов, который был подписан с величайшей помпой сразу после инаугурации нового президента. Этот указ должен был символизировать разрыв с предыдущей эпохой, когда даже на посту вице-президента находился чиновник, продвигающий интересы нефтяной компании Halliburton. Правда, уже на следующий день Обама был вынужден нарушить собственное распоряжение, назначив на должность заместителя министра обороны Уильяма Линна, лоббиста компании Raytheon, и предложив высокий пост в министерстве здравоохранения представителю анти-табачного лобби Уильяму Корру.

Подготовленный Обамой пакет экономических мер по выходу из кризиса также производил противоречивое впечатление. «40 % средств предполагается пустить на снижение налогов, и это раздражает демократов, а 60 % – на социальные нужды, и это не нравится республиканцам»⁶⁷, – отмечал вице-президент Джо Байден. После голосования в Палате представителей стало очевидно, что сгладить межпартийные противоречия новому президенту не удастся: ни один из республиканцев не поддержал проект Обамы, считая его слишком дорогим и неэффективным. И хотя демократическое большинство его одобрило, эксперты заговорили о первой политической неудаче президента. Ведь из \$825 млрд., которые планировалось потратить из бюджета, \$275 млрд. он отвел на налоговые льготы и был убежден, что это удовлетворит республиканцев. Однако ничто не могло примирить их с грандиозными расходами на социальные проекты, многие из которых были рассчитаны на долгосрочную перспективу. Консервативные обозреватели утверждали, что разработка альтернативных источников энергии, масштабное строительство дорог и компьютеризация системы здравоохранения – это отнюдь не первоочередные задачи в условиях экономического кризиса. Республиканцы были убеждены, что политика Обамы укладывается в формулу: «расточительство-налоги-долги». Но сторонники президента не воспринимали их критику всерьез. «Да, – говорили они, – новая демократическая администрация расточительна, но именно этого от нее и ждали американские избиратели. Ведь как только на горизонте замаячил кризис, стало очевидно, что страна стоит на пороге очередного периода социальной расточительности. При этом стоит отметить, что пакет мер по стимулированию экономики, предложенный Обамой, обойдется Соединенным Штатам не дороже милитаристских проектов команды Буша».

Либералы видели в проекте Обамы прелюдию к радикальным реформам в области здравоохранения, транспорта и энергетики. «Президент США может реализовать программу

⁶⁶ The New Republic. 2009. February. 6.

⁶⁷ <http://www.whitehouse.gov/>

«большого правительства» под предлогом неотложных мер по выходу из кризиса»⁶⁸, – писал журнал *The Economist*. Обама обещал запустить проект развития инфраструктуры страны, сравнимый с масштабным строительством автомагистралей при президенте Эйзенхауэре в 1950-х, начать капитальный ремонт школ и общественных зданий, выделить инвестиции на разработку новых технологий. Экономические советники президента утверждали, что в ближайшее время им удастся создать 4 млн. рабочих мест.

«В основе программы Обамы лежит стремление найти более справедливое и эффективное соотношение между государством и рынком, – писал в *The International Herald Tribune* известный публицист Тимоти Гартон Эш. – Новый президент энергично возрождает либеральные ценности. И когда-нибудь, наверное, уже в годы второго срока он вернет славное имя и самому понятию «либерализм»⁶⁹. В качестве доказательства либеральных устремлений Обамы эксперты приводили указ о снятии запрета на финансовую помощь феминистским негосударственным организациям, которые занимаются абортами за границей, и ряд мер, направленных на защиту окружающей среды. Представители левого крыла Демократической партии, в том числе бывший вице-президент Ал Гор, давно уже призывали к «зеленой революции», и Обама, намеревался ее возглавить.

Чтобы удовлетворить требования «зеленых», новый президент приостановил действие последних распоряжений Буша, позволявших бурение на континентальном шельфе, и пообещал в течение ближайших 10 лет выделить \$150 млрд. на разработку альтернативных источников энергии. Обама также призвал Федеральное агентство по защите окружающей среды пересмотреть решение, согласно которому администрациям штатов было запрещено ужесточать нормы выбросов выхлопных газов.

Однако становилось очевидно, что и в экологических вопросах президента может подвести типичная для него склонность к компромиссам. Чего стоил, например, эпизод с серыми волками. Незадолго до окончания срока президентских полномочий Буш принял решение об их изъятии из перечня особей, пользующихся защитой государства. Это решение вызвало бурю протестов со стороны защитников окружающей среды и восторги местных властей на западе страны, где на хищников жалуются скотоводы. Когда к власти пришел Обама он не отменил решение своего предшественника, а лишь отсрочил начало отстрела животных. Эта полумера, естественно, вызвала недовольство «зеленых».

Нерешительность Обамы выглядела немного странно, особенно учитывая тот факт, что ни один из американских лидеров не получал такой карт-бланш. Теоретически первые несколько месяцев темнокожий президент мог проводить в жизнь любые непопулярные меры, не оглядываясь при этом на своих оппонентов. Конечно, – говорили скептики, – либералы в любом случае будут прославлять дней Баракowych прекрасное начало, но вопрос в том, сумеет ли новый лидер вернуть либерализму позиции, утраченные им во время рейгановской революции. «Если Обама будет править успешно, это станет началом новой эры, – писал колумнист *The Washington Post* Уильям Кристол, – если нет, страна вновь будет открыта для консервативных экспериментов»⁷⁰.

В Соединенных Штатах принято оценивать результаты деятельности президента за первые сто дней правления. За этот период Франклин Рузвельт, например, заложил основы «нового курса», Линдон Джонсон разработал амбициозную программу социальных реформ, получившую название «Великое общество», а Рональд Рейган принял решение о резком сокращении налогов, которое положило начало рейганомике. Оценки первых ста дней Обамы были диаметрально противоположными. «Планы, которые обозначила демокра-

⁶⁸ *The Economist*. 2009. February. 3.

⁶⁹ *The International Herald Tribune*. 2009. January. 31.

⁷⁰ *The Washington Post*. 2009. February. 8.

тическая администрация впервые сто дней у власти, увеличат национальный долг США настолько, насколько его не смогли увеличить все, вместе взятые, президенты за последние 200 лет»⁷¹, – отмечал республиканский конгрессмен Линн Дженкинс. А редактор Newsweek International Фарид Закария, напротив, утверждал, что «за свои первые сто дней Обама успел совершить столько благих дел, что любой другой президент может ему только позавидовать»⁷².

По данным Gallup, несмотря на экономический кризис, в первые сто дней рейтинг нового президента снизился не более, чем в свое время у Билла Клинтона, – всего на 3 %. Тем не менее многие продолжали утверждать, что Обама – фигура несамостоятельная и в Америке происходит реставрация Клинтонов. Однако, как утверждал российский политолог проректор МГИМО Алексей Богатуров, «в тандеме Обама-Клинтон явно доминирует Обама. Он куда более харизматичный политик, и Хиллари на его фоне, конечно, проигрывает. К тому же президента поддерживает круг людей, рассчитывающих сделать карьеру внутри либеральной части истеблишмента, отгнав кланы Демократической партии, которые ассоциируются с Клинтонами. Эти люди понимают, что если Обама не освободится от влияния старой демократической гвардии, то они рискуют стать очередным потерянными поколением. Именно молодые карьеристы составляют опору Обамы внутри правящей партии, и до тех пор, пока он не сделал ни одной крупной ошибки, Клинтонам его не одолеть. Неслучайно экс-президент Билл Клинтон – политик с поразительным чутьем – предостерегает свою супругу от противостояния с Обамой, у которого пока сохраняется колоссальное энергетическое и репутационное преимущество над всеми конкурентами»⁷³.

Впечатление портила лишь склонность президента к компромиссам, постепенно ставшая фирменным стилем его правления. В сентябре 2009 года ради достижения призрачного межпартийного единства Обама принес в жертву консерваторам одного из членов своей команды – чернокожего активиста Вэна Джонса. Джонс, занимавший пост его советника по вопросам экологии, в прошлом называл себя марксистом, работал в радикальных организациях и принадлежал к движению «правдолюбцев» – политиков, обвиняющих администрацию Буша в причастности к терактам 11 сентября. Его присутствие в Белом Доме раздражало республиканцев, и Обама отправил его в отставку, дав повод для язвительных комментариев в прессе о том, что президент «не умеет отстаивать ни свои убеждения, ни своих людей».

Не удалось Обаме проявить характер и в вопросе о правах геев, которые рассчитывали, что темнокожий президент станет их естественным союзником. Выступая на благотворительном обеде, устроенном организацией «Кампания за права человека», Обама пообещал, правда, отменить известное правило «не спрашивают – молчи», которое позволяло геям служить в вооруженных силах США лишь в том случае, если они не распространяются о своей сексуальной ориентации. Однако правозащитники тут же начали критиковать его за промедление в этом вопросе и устроили в Вашингтоне многотысячный митинг с требованием отменить запрет на заключение однополых браков. «Политика по отношению к сексуальным меньшинствам – это лишь один из наиболее ярких примеров компромиссной стратегии Обамы, – утверждал профессор Джорджтаунского университета Стивен Уэйн. – Президент избегает рискованных решений, никогда не идет ва-банк и старается занять центристскую умеренную позицию по большинству вопросов»⁷⁴. При этом, как отмечал американский политолог Харлан Уллман, «с того момента, как Барак Обама пришел к власти,

⁷¹ The Congressional Record 111 th Congress (2009–2010)

⁷² The Newsweek International. 2009. May. 6.

⁷³ Интервью автора с проректором МГИМО Алексеем Богатуровым. 2009. Май. 11.

⁷⁴ The New York Times. 2009. September. 18.

в идеологии ведущих партий США произошли значительные изменения. Демократическая партия все больше сдвигается влево, Республиканская – вправо. И центристские убеждения президента не находят понимания у представителей политической элиты»⁷⁵.

Бывшие сторонники из левого крыла Демократической партии негодовали, наблюдая за тем, как их кумир идет на поводу у клинтоновской гвардии и умеренных республиканцев. «Есть ли у Обамы хребет? – вопрошал либеральный комментатор Ричард Коэн – Его действия не имеют ничего общего с предвыборными обещаниями. Во всех вопросах, начиная от здравоохранения и заканчивая экологией, он сдает позиции консерваторам»⁷⁶. В комедийном телешоу «Субботний вечер в прямом эфире», отражающем настроения левых либералов, была представлена сценка, в которой Обама демонстрирует огромный список невыполненных обещаний.

Компромиссная политика президента не добавляла ему очков и в республиканском лагере. «Великая старая партия, – писала The New York Times, – готова «прокатить» любую инициативу Обамы. Такое ощущение, что если бы он даже вынес на голосование вопрос о необходимости солнечного света по утрам, ни один республиканец не поддержал бы его»⁷⁷. Конечно, самыми убежденными критиками президента стали правые консерваторы и евангелисты, составлявшие главную опору предыдущей администрации. Они называли Обаму «предателем американских идеалов», «красным дьяволом» и «волком в овечьей шкуре», сравнивали его с Че Геварой и фюрером, обвиняли демократическую администрацию в насаждении культа личности первого чернокожего президента.

Очень показательным в этом смысле стал отказ ряда штатов Среднего Запада транслировать обращение Обамы к школьникам. Вполне невинные слова американского лидера, который призвал учеников посещать занятия и стремиться к знаниям, местные республиканские бонзы трактовали как «пропаганду социалистической идеологии». Что уж говорить о том, как был воспринят правыми консерваторами агитационный фильм «Клятва Обаме», в котором звезды Голливуда Эштон Кучер и Деми Мур торжественно клялись «быть слугами президента».

Многие эксперты отмечали, что аргументы двух ведущих партий не выдерживают критики, и образовавшийся идеологический вакуум пытаются заполнить группы сумасшедших маргиналов. Прежде всего, речь шла о так называемом движении за правильное рождение, утверждавшем, что Барак Обама не может быть президентом, поскольку родился он, якобы, за пределами Соединенных Штатов. Возрождалась также идеология «народного ополчения», основанная на различных конспирологических теориях. Ополченцы активно участвовали в антиправительственных демонстрациях, причем приходили на них с огнестрельным оружием. Они все чаще ссылались на слова одного из американских отцов-основателей Томаса Джефферсона, который считал, что «дерево свободы время от времени нужно поливать кровью тиранов». «Во всех этих движениях, – отмечал бывший президент США Джимми Картер, – огромную роль играют расисты, которые все еще убеждены, что афроамериканцы недостаточно квалифицированы для того, чтобы управлять страной»⁷⁸.

⁷⁵ Интервью автора с американским политологом Харланом Уллманом. 2009. Сентябрь. 21.

⁷⁶ The Washington Post. 2009. September. 26.

⁷⁷ The New York Times. 2009. October. 18.

⁷⁸ The Guardian. 2009. September. 16.

«ОБАМАФОБИЯ»: «ОРГИЯ РАСХОДОВ И ВАКХАНАЛИЯ ДОЛГОВ»

К осени 2009 года рейтинг Обамы начал стремительно падать, и к октябрю снизился почти на 20 пунктов, достигнув отметки в 51 %. Тем не менее президент по инерции продолжал политическое шоу, которое началось в 2007 году. Он не сходил с телеэкранов, раздавал комментарии, то и дело выступал с новой «исторической» речью. Однако если во время предвыборной кампании такая модель поведения выглядела вполне естественно, в повседневной жизни она вызывала недоумение у большинства американцев. Более скептическим становилось и отношение к риторике «перемен». Обамамания в американском обществе уступала место обаматофии. Критики начали обвинять администрацию США в «бесконтрольных расходах» – на здравоохранение, финансовую поддержку банковской системы и автомобильной индустрии. Как утверждал американский политолог Харлан Уллман, «бесконтрольные расходы вынудили отвернуться от Обамы и многих представителей бизнеса, недовольных государственным вмешательством в экономику»⁷⁹.

Любопытно, что во время предвыборной кампании Обама выступал за «ответственную бюджетную политику», обещая «строку за строкой проверять федеральный бюджет, убирая из него затратные программы». Однако, как писал экс-советник Джорджа Буша-младшего Карл Роув, «вместо того чтобы выполнить свое обещание, президент, невзирая на экономический кризис, предложил нам оргию расходов и вакханалию долгов»⁸⁰. В том случае, если демократическая администрация осуществит запланированные ею проекты, – говорили специалисты, – в ближайшие пять лет государственный долг США удвоится, а через 10 лет возрастет в три раза.

Как мы уже отмечали, команда Обамы сразу после прихода к власти пообещала провести «зеленую революцию». В Соединенных Штатах тема глобального потепления раскручивалась лоббистами компаний, занимающихся развитием «зеленых» технологий и альтернативных источников энергии, таких, например, как фирма «Kleiner Perkins», партнером которой являлся бывший вице-президент США Ал Гор. Существовало также множество неправительственных организаций, провозгласивших своей целью борьбу с климатическими изменениями вроде «Sierra Club», «Greenpeace», «Ozone Action» и «Clean Air, Cool Planet». Под их влиянием и формировалась энергетическая политика Обамы. Министром энергетики был назначен лауреат Нобелевской премии по физике Стивен Чу, который считался одним из ведущих специалистов по возобновляемым источникам энергии. «Нынешняя ситуация напоминает 1977 год, – писал американский публицист Джошуа Грин в журнале *Atlantic*, – экономика в депрессии, кризис на Ближнем Востоке, новый харизматичный демократ в Белом доме, который произносит проповеди о чистой энергии. Однако сможет ли Обама преуспеть там, где это не удалось Джимми Картеру?».

Попытавшись протолкнуть через Конгресс далеко не радикальный законопроект, предполагавший сокращение выбросов на 17 % к 2020 году, демократы столкнулись с серьезной оппозицией, отражавшей интересы угледобывающих и нефтяных компаний. «Акт об американской чистой энергии» со скрипом был принят в Палате представителей и надолго застрял в Сенате, где были очень сильны скептические настроения по поводу «зеленых» реформ. «Потребителей в США пытаются убедить в том, что, сократив выбросы CO₂, мы остановим глобальную катастрофу, – отмечал республиканский сенатор Джеймс Инхофф. – Однако эта

⁷⁹ Интервью автора с американским политологом Харланом Уллманом. 2009. Сентябрь. 21.

⁸⁰ *The New Republic*. 2009. October. 9.

гипотеза, которую нам выдают за аксиому, на самом деле является фальшивкой, как и все теории, продвигаемые либералами»⁸¹. Экс-губернатор Аляски Сара Пейлин, которая выражала настроения консервативной Америки, призвала Обаму «дать отпор леворадикальным экологистам».

Однако президент, напротив, добился постановления федерального Агентства по охране окружающей среды, в котором ряд парниковых газов, в том числе и CO₂, признавались загрязняющими веществами. В результате правительство получило право регулировать количество выбросов вне зависимости оттого, пройдет ли закон о чистой энергии верхнюю палату Конгресса. Как писала немецкая газета *Die Tageszeitung*, «команда Обамы сработала превосходно, вначале занизив ожидания, а затем позволив своему шефу почувствовать себя триумфатором». «Решение агентства является настоящим прорывом в борьбе с глобальным потеплением, – писал эксперт Совета по международным отношениям Майкл Леви. – Оно позволяет говорить о подлинном американском лидерстве»⁸².

Самым масштабным проектом Обамы, безусловно, была реформа здравоохранения. В 2009 году 46 миллионов американцев не имели медицинской страховки. Демократическая администрация планировала охватить ею 97 % населения США и ввести государственное медицинское страхование, а их оппоненты утверждали, что «Америка семимильными шагами движется к социализму». «Частные страховые компании и их союзники из Республиканской партии всеми силами будут противостоять попыткам национализации системы здравоохранения, – отмечал политолог Пол Валдман. – Они вспоминают, что год назад Обама сам называл такую реформу экстремальной, и призывают его не повторять ошибок клинтоновской администрации, выступившей с аналогичным проектом в 1993 году»⁸³.

Однако эксперты утверждали, что для Обамы реформа здравоохранения стала вопросом личного престижа, своеобразным Рубиконом, который ему во что бы ни стало необходимо было перейти. Не случайно демократы провозгласили Обаму «верховным здравоохранителем», а республиканцы переименовали систему государственного медицинского страхования из Medicare в Obamacare. Гарвардский профессор Тед Скотспол предсказывал, что президенту удастся провести реформу здравоохранения, правда в сильно урезанном виде. «Ради того чтобы сохранить общественное согласие, – отмечал он, – Обама пожертвует своими идеалами и капитулирует перед самым началом сражения. В поисках компромисса он загонит себя в угол в тот момент, когда его противники деморализованы»⁸⁴.

Политические баталии, разразившиеся в США по поводу реформы, выступления консерваторов, обвинявших Обаму в желании национализировать систему здравоохранения и массовые демонстрации против «диктатуры всеобщего благосостояния», убеждали многих обозревателей в том, что президенту не удастся осуществить свои замыслы. Однако Обама проявил завидное упорство, отстаивая свой проект. В день голосования – 7 ноября 2009 года – он даже приехал на Капитолий и провел закрытую встречу с однопартийцами, что происходит лишь в исключительных случаях. «Большинство государственных служащих, – заявил он, – заканчивают свою карьеру, так и не сумев совершить что-то важное для страны. Сегодня у вас есть такая возможность, и было бы печально упустить шанс, который дается один раз за жизнь целого поколения. Когда в Саду роз я подпишу закон, делающий медицинское обслуживание доступным для всех американцев, это станет политическим триумфом нашей партии»⁸⁵. Президент лично встречался с теми членами Палаты представителей,

⁸¹ The Congressional Record 111 th Congress (2009–2010)

⁸² <http://www.cfr.org>

⁸³ Paul Waldman. When Hope meets reality. // The American Prospect. 2009. November. 3.

⁸⁴ The Boston Globe. 2009. October. 23.

⁸⁵ <http://www.whitehouse.gov/>

которые сомневались в предложенном проекте реформы, уламывая их поддержать первую серьезную инициативу демократической администрации. Обаме удалось даже перетянуть на свою сторону одного республиканца – представителя Нового Орлеана Джозефа Као, которому в обмен на поддержку законопроекта он пообещал помощь в восстановлении города после урагана Катрина.

За несколько дней до голосования Обама согласился пойти на уступки консервативным демократам, которые внесли поправку к законопроекту, вводящую запрет на использование медицинской страховки для покрытия расходов на аборт. И хотя левые либералы в очередной раз осудили президента за склонность к компромиссам, им пришлось смириться с решением, которое в итоге склонило чашу весов в пользу сторонников реформы. Законопроект был принят с минимальной разницей в пять голосов. За него проголосовали 220 конгрессменов, против – 215. Тем не менее спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси назвала голосование историческим и сравнила его с принятием закона о социальном обеспечении 1935 года, который стал частью рузвельтовского «Нового курса» и акта о здравоохранении, 1965 года, вошедшего в джонсоновскую программу построения «Великого общества»⁸⁶. Как утверждал проректор МГИМО Алексей Богатуров, «в последние годы реформа системы здравоохранения стала одним из самых болезненных вопросов для американского общества. И тот факт, что Обаме удалось убедить конгрессменов принять его версию реформы, говорит сам за себя. В 1993 году попытка Клинтона провести через Конгресс аналогичный проект не увенчалась успехом»⁸⁷.

Законопроект предусматривал введение обязательной медицинской страховки для каждого американца, ужесточение контроля над частными страховыми компаниями и создание «биржи страховок», стимулирующей развитие страхового бизнеса. Противники Обамы утверждали, что реформа, на которую из федеральной казны будет выделено около триллиона долларов, обернется для Соединенных Штатов непосильным налоговым бременем, вызовет скачок инфляции и сокращение рабочих мест. «Государственное страхование снизит качество медицинского обслуживания, – отмечал республиканский представитель штата Техас Кевин Брэди. – К тому же, Обама сажает в нокаут финансовую систему США. Принятие законопроекта – это пиррова победа президента, который поставил крест на своем политическом будущем, потакавая гаргантюанскому аппетиту сторонников «большого правительства»⁸⁸.

Критики утверждали, что на фоне растущего дефицита госбюджета предлагаемая Обамой реформа – это настоящий пир во время чумы. Однако сторонники президента парировали обвинения, заявляя, что реформа будет оплачиваться за счет новых поступлений в казну, среди которых 5,4-процентный налог на доходы граждан, зарабатывающих более полумиллиона долларов в год и предлагаемый сенаторами 40-процентный налог на самые роскошные «кадиллаковые» медицинские страховки, предоставляемые работодателями.

После того как 24 декабря 2009 года реформа здравоохранения была утверждена Сенатом, политологи заговорили о том, что администрация Обамы созрела к проведению собственного «нового курса». «До настоящего момента, – писал британский журнал *The Prospect*, – демократы фактически ничего не сделали во внутренней политике. Программа социальных реформ, которую они презентовали во время предвыборной кампании, оказалась абсолютно не проработанной. После победы на выборах команда Обамы несколько растерялась, и только сейчас начинает выходить из ступора»⁸⁹.

⁸⁶ The Congressional Record 111th Congress (2009–2010)

⁸⁷ Интервью автора с проректором МГИМО Алексеем Богатуровым. 2009. Ноябрь. 15.

⁸⁸ The Congressional Record 111 th Congress (2009–2010)

⁸⁹ The Prospect. 2009. December. 27.

Однако экономика США, несмотря на принятый Конгрессом пакет экономических стимулов, по-прежнему находилась в плачевном состоянии. Правда, Обама пытался свалить вину за экономические неурядицы на своих предшественников. «Я ничего не имею против того, чтобы убираться за этими ребятами, – заявил он, выступая перед крупнейшими спонсорами Демократической партии, – но когда я драю пол, не надо говорить мне, что я делаю это слишком медленно или неправильно держу тряпку»⁹⁰. Он обвинял администрацию Буша в связях с лоббистами и подчинении государственной политики интересам нескольких крупных корпораций. Но критики уверяли, что у демократического президента также «рыльце в пушку».

По словам некоммерческой организации «Центр контроля за политикой», в 2008 году в предвыборный фонд Обамы деньги вносили две известные корпорации «Fannie Mae» и «Freddie Mac», с которых, как мы знаем, начался ипотечный кризис в США, а затем и мировой финансовый кризис. Казалось бы: ну, взял деньги Обама от спонсоров, что тут такого? Вроде бы ничего. Только возникал вопрос, почему после того как новый президент завоевал Белый дом, первым делом он занялся спасением «Fannie Mae» и «Freddie Mac», выделив миллиарды долларов под залог акций. Почему в программе борьбы с кризисом, утвержденной Обамой в 2009 году, предусматривалась крупная финансовая помощь именно этим двум корпорациям, а, например, не «Lehman Brothers»? Как отмечал известный американец, заместитель главного редактора газеты «Завтра» Александр Нагорный, «президент оказал решающую поддержку только двум тонушим гигантам – «Fannie Mae» и «Freddie Mac». Они не стали государственными корпорациями, но позаимствовали из бюджета колоссальные средства, которые, кстати, так и не были возвращены. И единственным объяснением этому факту может быть то, что у этих компаний хорошее лобби»⁹¹.

Президент продолжал метать громы и молнии, обещая разобраться с «жирными котами» с Уолл-стрит и лишит их гигантских бонусов. Он уверял, что не позволит финансовым воротилам кататься как в сыр в масле, наживаясь на кризисе и расшатывая финансовую систему государства. Но, увы, все ограничилось лишь громкими заявлениями. «Реформа Уоллстрит провалилась, – утверждал старший научный сотрудник ИНИОН РАН Сергей Костяев. – Обама не решился вернуть старую систему, которая предполагала четкое разделение между коммерческими и инвестиционными банками. Деньги населения по-прежнему перекачивались на фондовый рынок через инвестиционные подразделения банков, и следовательно, кризисные явления в американской экономике только нарастали. А ведь с тех пор как в 30-е годы Франклин Рузвельт разделил банковский сектор, Америка долгое время обходилась без существенных кризисов. Были спады, рецессии, но существенных кризисов не было. Однако в 1998 году министр финансов в администрации Клинтона Роберт Рубин отменил рузвельтовское правило. Объяснялось это тем, что секретарь казначейства находился под влиянием банкиров из «Сити-Групп», которые и взяли его потом на работу»⁹².

В 2010 году состоялся завтрак Обамы с топами высокотехнологичных и интернет корпораций. А Los Angeles Times опубликовала суммы пожертвований этих корпораций в избирательный фонд Обамы и суммы, выделенные ими на лоббирование. От «Apple» на завтраке присутствовал Стив Джобс, от «FaceBook» – Марк Цукерберг. Как сообщали некоммерческие организации «Центр контроля за политикой» и «Sunlight Foundation», эти компании внесли в избирательный фонд Обамы более 2 миллионов долларов и в три раза больше потратили на лоббирование нужных им решений в федеральных инстанциях Вашингтона.

⁹⁰ <http://www.whitehouse.gov/>

⁹¹ Интервью автора с заместителем главного редактора газеты «Завтра» Александром Нагорным. 2012. Февраль 16.

⁹² Интервью автора со старшим научным сотрудником ИНИОН РАН Сергеем Костяевым. 2012. Февраль. 19.

Данные цифры выглядели особенно смешно, если вспомнить, что Обама с пеной у рта доказывал, что не позволит лоббистам оплатить его приход к власти и оказывать влияние на работу демократической администрации. «Лоббисты никуда не делись из вашингтонских властных структур, – отмечал Нагорный, – При Обаме они чувствуют себя точно также как при Буше и при Клинтоне. Эти люди, связанные с крупными банковскими корпорациями, продолжают диктовать политику государства»⁹³.

⁹³ Интервью автора с заместителем главного редактора газеты «Завтра» Александром Нагорным. 2012. Февраль 16.

ПО СТОПАМ ТЕЛЬМЫ И ЛУИЗЫ

К 2010 году в Америке стали признавать, что Обама постепенно избавляется от иллюзий периода предвыборной кампании и начинает понимать, что шоу не может продолжаться вечно. «Куража у него поубавилось, – писала *The New York Times*, – зато появилась спокойная уверенность. Он меньше играет на публику, становится солидней, респектабельней. Похоже, что за год Обама свыкся с властью, а публика осознала, наконец, что он уже не соискатель, а президент»⁹⁴.

Забылся и основной лозунг кампании о разрыве со столичной политической элитой, не понимающей проблем «реальной Америки». И как бы некоторые эксперты ни пытались доказать, что представители истеблишмента «подставили» чернокожего лидера, кинув его на амбразуру в кризисный период, Обама все меньше походил на изгоя, способного бросить вызов «вашингтонской системе».

Отказ от масштабных проектов эпохи Буша, призванных укрепить американскую гегемонию, вызывал раздражение у консерваторов, да и у многих центристов, верящих в *Rax Americana*. Но политологи отмечали, что президент отходит от центристских взглядов, которые не принесли ему никаких дивидендов, и возвращается на леволиберальные позиции.

Своеобразным тестом для него стали местные выборы, состоявшиеся в начале ноября 2009 года. В двух ключевых штатах – Нью-Джерси и Вирджинии выбирали губернаторов, а в Нью-Йорке – мэра города. Белый дом приложил максимум усилий для того, чтобы победу одержали демократические кандидаты. Обама лично агитировал за них на митингах, сделав себя неформальным участником гонки. Однако, несмотря на его поддержку, демократы с треском провалили выборы.

Конечно, переизбрание на третий срок мэра Нью-Йорка Майкла Блумберга, который одолел демократа Уильяма Томпсона, было вполне закономерно: Блумберг затратил на свою предвыборную кампанию в 10 раз больше средств, чем его оппонент. Не стала неожиданностью и победа республиканца Боба Макдоннела на губернаторских выборах в Вирджинии, которая всегда считалась вотчиной Великой старой партии. (Обама стал первым с 1964 года демократическим кандидатом в президенты, который завоевал этот штат. И все просто вернулось на круги своя). Однако поражение в Нью-Джерси, где ставленнику республиканцев федеральному прокурору Крису Кристи удалось переиграть действующего губернатора-демократа экс-президента *Goldman Sachs* Джона Корзайна, стало серьезным ударом для Белого дома. В «темно-синем» штате, который считается одним из самых либеральных в стране, Демократическая партия очень рассчитывала на победу, тем более что на протяжении всей гонки кандидаты шли ноздря в ноздю.

Провал правящей партии многие эксперты объясняли тем, что традиционный электорат Обамы – молодежь, афроамериканцы и латиноамериканцы – проигнорировал промежуточные выборы. К тому же, независимые избиратели, которые в 2008 году поддержали демократического кандидата, разочаровались в нем. Согласно данным экзитполлов, 25 % граждан, пришедших на выборы, использовали предоставленную им возможность, чтобы выразить недоверие действующей власти.

В 2008 году охваченные обамаманией американцы были убеждены, что с приходом их кумира в Белый дом в США начнется «эпоха безграничной свободы». Однако вопреки ожиданиям демократическая администрация практически сразу стала диктовать журналистам, как им следует подавать образ Обамы, а в конце октября 2009 года объявила настоящую войну телеканалу *Fox News*, исключив его корреспондентов из президентского пула.

⁹⁴ *The New York Times*. 2010. January. 20.

Конечно, телеканал, владельцем которого является известный медиамагнат Руперт Мердок, тесно связан с республиканской партией и за то время, что демократы находились у власти, успел им изрядно досадить. Чего стоил, например, выпад одного из ведущих канала Гленна Бека, который заявил в прямом эфире, что «Обама втайне ненавидит белых людей». Тем не менее, даже те СМИ, которые симпатизировали президенту, начали обвинять его в нарушении свободы слова.

Противники Обамы с удовлетворением констатировали, что его «магия выдохлась». «Избиратели сыты по горло либеральной повесткой дня. Они устали от пустых трат и чрезмерной опеки, которая исходит сейчас из Вашингтона»⁹⁵, – заявил республиканский конгрессмен от штата Вирджиния Эрик Кантор. Республиканцы вспоминали, что в 1993 году губернаторами Вирджинии и Нью-Джерси также были избраны представители их партии, а уже на следующий год ей удалось получить большинство в Палате представителей. «Сейчас мало кто сомневается в том, что демократы потеряют контроль над законодательной властью, – отмечал проректор МГИМО Алексей Богатуров, – однако формула «раздельного правления», когда Конгресс контролирует одна партия, а президентскую администрацию – другая, становится частью американской политической культуры. Обама пришел к власти на волне всеобщего раздражения по поводу республиканцев, сейчас же мы наблюдаем, как барометр постепенно выравнивается, и создаются предпосылки для традиционной уже системы «перекрестного контроля»⁹⁶.

Опросы показывали, что к 2010 году процент американцев, которые причисляют себя к консерваторам, вдвое превысил процент граждан, называющих себя либералами. Тем не менее рейтинг республиканской партии оставался на прежнем уровне. Чтобы исправить положение, партийные лидеры предлагали взаимоисключающие рецепты. Одни настаивали на том, что Великая старая партия должна двигаться к центру, чтобы привлечь на свою сторону умеренных и независимых избирателей, другие, напротив, считали, что не следует поступаться принципами «чистого консерватизма».

Иллюстрацией противоречий, раздиравших республиканскую партию стали выборы конгрессмена от 23-го округа Нью-Йорка, которые проходили в ноябре 2009 года. Партийное руководство выдвинуло своим кандидатом Диди Скоззафаву, выступавшую за государственное финансирование аборт, однополые браки и отмену тайного голосования по вопросу о создании профсоюзных организаций. Однако такие республиканские звезды, как бывший губернатор Аляски Сара Пейлин и экс-сенатор Теннесси, голливудский актер Фред Томпсон поддержали кандидата от консервативной партии Нью-Йорка Дага Хоффмана, который, по их словам, «отстаивал свои идеалы, не пытаясь подыгрывать демократам и независимым избирателям». В результате Скоззафава отказалась от участия в гонке, и в округе, который уже более столетия посылает в Палату представителей республиканцев, победу одержал демократический кандидат Билл Оуэнс. «Потеря 23-го округа должна послужить уроком для твердолобых республиканцев, которые отказываются модернизировать партию, – отмечал обозреватель Newsweek Эндрю Романо. – Им давно пора признать, что рассчитывать на победу сейчас могут лишь такие умеренные кандидаты, как Крис Кристи или порвавший с республиканской партией центрист Майкл Блумберг»⁹⁷. Однако при поддержке консервативных активистов правое крыло республиканцев рассчитывало отстоять свои взгляды на развитие партии.

Беспорным лидером «правых» на тот момент считалась Сара Пейлин, которая, по словам экспертов, рассчитывала принять участие в президентской гонке 2012 года. Однако, как

⁹⁵ The Congressional Record 111th Congress (2009–2010)

⁹⁶ Интервью автора с проректором МГИМО Алексеем Богатуровым. 2009. Ноябрь. 15.

⁹⁷ The Newsweek. 2009. November. 22.

отмечал журнал *The American Thinker*, «демонстрировать настоящего кандидата было бы для республиканцев политическим самоубийством. Они еще очень долго будут пудрить всем мозги, и даже на следующих президентских выборах, скорее всего, выставят непроходимую фигуру – мальчика для битья вроде Джона Керри (соперник Джорджа Буша на выборах 2004 года)»⁹⁸.

После того как Обама одержал триумфальную победу на президентских выборах, эксперты поспешили провозгласить смерть консерватизма, полагая, что американское общество переживает «тектонический сдвиг влево». Бывший политтехнолог Клинтона луизианец Джеймс Карвилл утверждал, что демократы укрепились у власти на четыре десятилетия, и даже выпустил книгу под названием «Еще 40 лет»⁹⁹.

Однако, получив, казалось бы, безграничную власть, воспользоваться ею демократы не сумели. «Партия, контролирующая обе палаты, – писал весной 2010 года журнал *The Foreign Policy*, – смогла протолкнуть через конгресс лишь спорную реформу здравоохранения. Власть, как это ни парадоксально, принадлежит партии меньшинства, которая постоянно загоняет в угол робкое неповоротливое большинство»¹⁰⁰.

Провал правящей партии в Массачусетсе, который издавна считается политической вотчиной демократов, развеял последние сомнения относительно ее популярности. На протяжении 47 лет Массачусетс в сенате представлял Эдвард Кеннеди. Однако после смерти «либерального льва» на довыборах в верхнюю палату конгресса, состоявшихся в январе 2010 года, его протее, генпрокурор штата Марта Коукли, неожиданно для всех проиграла неизвестному члену законодательного собрания республиканцу Скотту Брауну. И это несмотря на то, что Обама снова решил рискнуть и приехал в Бостон, чтобы поддержать Коукли. «Год назад демократы отправили республиканцев в нокаут, – отмечал американский политолог Джей Кост, – а сегодня они не могут отстоять бывшее место Теда Кеннеди в сенате»¹⁰¹.

Президента все чаще стали называть популистом и позером, который не способен ни на что, кроме личного пиара. Рекламные трюки вроде акции семьи Обамы, которая в день памяти Мартина Лютера Кинга поработала в столовой для неимущих, к тому моменту всем уже порядком поднадоели. Хотя следует признать, что Барак был неподражаем в роли официанта. В начале 2010 года рейтинг президента не превышал 50 %. Спустя год после начала правления ниже он был только у Рональда Рейгана. Согласно данным опросов, от Обамы отвернулись независимые избиратели, а как продемонстрировали выборы в Массачусетсе, в нем разочаровалась и самая преданная часть его электората – молодежь: 60 % избирателей младше 30 лет отдали свои голоса республиканскому кандидату. Даже дети, опрошенные журналом *Time Magazine for Kids*, оценили деятельность Обамы на троечку с минусом¹⁰². Скептики утверждали, что если бы президентские выборы состоялись в 2010-м, действующего главу государства «легко одолел бы Чарльз Мэнсон».

Потеряв место Кеннеди, демократы утратили конституционное большинство в сенате, и им стало еще сложнее проводить свой курс. Один из самых либеральных законодателей – сенатор от штата Висконсин Расс Файнголд печально заметил, что «реформу здравоохранения, скорее всего, придется начинать с нуля»¹⁰³. Все больше демократов стали склоняться к тому, что на смену грандиозным проектам администрации должны прийти компромиссные

⁹⁸ *The American Thinker*. 2009. December. 15.

⁹⁹ James Carville. *40 More Years: How the Democrats Will Rule the Next Generation*. NY. 2008.

¹⁰⁰ *The Foreign Policy*. 2010. March/April.

¹⁰¹ *The Boston Globe*. 2010. January. 24.

¹⁰² *Time Magazine for Kids*. 2009. December.

¹⁰³ *The Congressional Record* 111 th Congress (2009–2010)

решения, которые смогут удовлетворить часть республиканцев и покончить с поляризацией конгресса.

Именно такую политику начал проводить Билл Клинтон после того, как в 1994 году его партия с треском проиграла выборы в конгресс, впервые за десятилетия потеряв большинство в обеих палатах. В начале 2010 года ситуация поразительно напоминала события, которые предшествовали этому разгрому. Как писал американский журналист Кеннет Уолш, который с конца 1980-х входит в пул Белого дома, «это настоящее дежавю. Демократы сомневаются в президентской программе реформ, граждане недовольны увеличивающейся ролью «большого правительства» и обвиняют администрацию в отсутствии опыта – история повторяется»¹⁰⁴. Вопрос был только в том, согласится ли Обама пойти по стопам своего предшественника и сдвинуться в сторону политического центра. Ведь, отказавшись от лозунгов леволибералов, Клинтон легко избрался на второй срок в 1996 году и уцелел во время импичмента.

«Главные успехи Билла Клинтона – договор о создании североамериканской зоны свободной торговли, реформа системы пособий для неимущих, а также сбалансированный бюджет, который обусловил финансовый бум конца 90-х, – были бы невозможны без поддержки республиканцев»¹⁰⁵, – отмечал *The Weekly Standard*. Однако эксперты уверяли, что президенту будет не так просто порвать с леволиберальным лагерем, который обеспечил ему победу на выборах. «Обаму окружают романтики, – утверждал американский политолог Джон Харрис, – которые видят его трансформационным лидером, возвышающимся на исторической арене. Клинтон для них в лучшем случае фигура переходная, и его прагматизм, основанный на чтении соцопросов, вызывает презрительное недоумение у рыцарей нового Камелота»¹⁰⁶. Как рассказывал ушедший вскоре после этого в отставку конгрессмен-демократ Марион Берри, на встрече с ним Обама объяснил, в чем заключается главное отличие настоящего момента от 1994 года. «Теперь у вас есть я»¹⁰⁷, – провозгласил президент.

Он не раз давал понять, что не собирается сворачивать с выбранного курса и предпочитает пробыть на своем посту всего один срок, но быть «хорошим президентом», нежели просидеть два, но быть «президентом посредственным».

Намерение Обамы идти ва-банк доказывал и тот факт, что он вновь нанял консультантом Дэвида Плаффа, который был главой его предвыборного штаба в 2008 году. Плафф тут же напечатал статью в *The Washington Post* с призывом к демократам не отречься от собственных принципов и действовать еще напористее. «Мы должны без промедлений принять реформу здравоохранения, – отмечал он, – создать новые рабочие места, не слушать нотации республиканцев о сокращении расходов (администрация Буша пришла к власти, когда профицит бюджета составлял 236 млрд. долларов, а в наследство Обаме оставила государственственный долг в размере 1,3 трлн.). Не надо писаться от страха. Вместо этого давайте сражаться, как черти, вести агрессивную предвыборную кампанию. И если даже повторить результаты 2008 года партии не удастся, ноябрьские выборы не станут для нас кошмаром или падением в пропасть, как это сейчас пытаются представить»¹⁰⁸. Излюбленной метафорой американских политических комментаторов в этот период стало сравнение Обамы, отказывающегося отойти от выбранного курса, с героинями фильма «Тельма и Луиза», которые, спасаясь от полиции и не желая провести остаток жизни в тюрьме, на полном ходу слетают в пропасть.

¹⁰⁴ <http://www.kennethwalsh.com/>

¹⁰⁵ *The Weekly Standard*. 2010. February. 12.

¹⁰⁶ <http://www.politico.com> // 2010. January. 22.

¹⁰⁷ *The Huffington Post*. 2010. January. 25.

¹⁰⁸ David Plouffe. November doesn't need to be a nightmare for Democrats. // *The Washington Post*. 2010. January. 24.

Многие эксперты утверждали, что готовность Обамы идти на риск позволяет рассчитывать на то, что демократы проведут иммиграционную реформу. Масла в огонь подлил и спорный закон, подписанный в мае 2010 года губернатором штата Аризона Джен Брюэр, согласно которому полицейские получили право задерживать любого человека по подозрению в том, что он находится в стране нелегально.

После того как были возведены заградительные сооружения в Калифорнии, Техасе и Нью-Мексико, основной поток нелегалов устремился именно в Аризону. Только в 2009 году границу штата тайно пересекли 350 тысяч мексиканцев. Сторонники нового закона утверждали, что он позволит установить контроль над нелегальной иммиграцией и обуздать волну национализма в приграничном штате. Однако критики в один голос называли инициативу Брюэр «дискриминационным актом, который неминуемо приведет к преследованию испаноязычного населения». Десятки тысяч человек по всей Америке приняли участие в демонстрациях протеста против политики аризонских властей. В одном только Лос-Анджелесе на улицы вышли около ста тысяч протестующих во главе с известной певицей Глорией Эстефан.

«Драконов закон, который приняла законодательная палата Аризоны, вызывает отвращение, – отметил либеральный комментатор The Washington Post Евгений Робинсон, – это расистский, деспотичный, несправедливый документ, от которого веет нацистскими теориями»¹⁰⁹. Как выразился Обама, аризонский закон «позволяет полицейским задержать простую семью латиноамериканцев, которые гуляют в парке и едят мороженое, только потому, что у них темный цвет кожи»¹¹⁰. Тем не менее, согласно соцопросам, инициатива Брюэр пользовалась поддержкой 52 % американцев, а бывший соперник Обамы по президентской гонке сенатор от штата Аризона Джон Маккейн обвинял федеральные власти в том, что они «так и не сумели предложить разумное решение проблемы нелегальной иммиграции»¹¹¹.

В ответ на критику администрация Обамы инициировала в конгрессе первые слушания по проекту иммиграционной реформы, которая должна была предоставить всем иммигрантам, проживающим в США более пяти лет, легальный статус. Последнюю иммиграционную амнистию провел в 1986 году президент Рейган. Тогда легальный статус получили люди, незаконно въехавшие в страну до 1972 года, – таких набралось 6 млн. человек. В 2010 году численность нелегалов в США оценивалась в 12–15 миллионов (некоторые эксперты приводили более внушительную цифру – 30 миллионов). Специалисты утверждали, что в случае их легализации и притока родственников «новых граждан», который неминуемо за ней последует, в Соединенных Штатах произойдут радикальные изменения: уже к 2020 году большинство в расовом составе населения страны будут составлять латиноамериканцы.

Сторонники радикального курса отмечали, что непопулярные в стране реформы могут быть приняты лишь до тех пор, пока демократы сохраняют большинство в обеих палатах конгресса. Причем, согласившись на иммиграционную амнистию, партия Обамы, конечно, утратит расположение независимых избирателей и умеренных республиканцев, отдавших ей свои голоса на выборах 2008 года, но укрепит собственную электоральную базу, обеспечив себе безоговорочную поддержку со стороны испаноязычного сообщества.

Кроме того, эксперты говорили, что дебаты по иммиграционному вопросу могут негативно отразиться на образе республиканской партии, власть в которой окончательно перейдет в руки правых радикалов и консервативных активистов. В этом смысле очень показательным было поведение Джона Маккейна, который в 2006 году был одним из главных сторонников амнистии для нелегалов, но в 2010-м вынужден был изменить свои взгляды,

¹⁰⁹ The Washington Post. 2010. May. 12.

¹¹⁰ <http://www.whitehouse.gov/>

¹¹¹ The Congressional Record 111 th Congress (2009–2010)

столкнувшись с серьезным конкурентом в борьбе за место сенатора от Аризоны, который придерживался жесткой антииммигрантской линии.

Оптимисты в команде Обамы не теряли надежды привлечь на свою сторону умеренных республиканцев, наряду с иммиграционной амнистией предусмотрев в законопроекте жесткий пограничный режим. Таким образом, предлагаемая реформа, фактически, должна была стать повторением провалившейся в конгрессе бушевской инициативы 2006 года. «Джорджа Буша-младшего, который, до того как прийти в Белый дом, был губернатором Техаса, многие называли «первым мексиканским президентом США», – отмечала *The Washington Post*, – и в случае успеха иммиграционной реформы Барак Обама вполне может претендовать на звание его преемника»¹¹².

Однако скептики, такие, как глава аппарата Белого дома Рам Эммануэль, пытались убедить Обаму в том, что проведение иммиграционной реформы окончательно похоронит шансы демократов на успех на промежуточных выборах в конгресс, которые должны были состояться осенью 2010 года.

И хотя в 2008 году Обама не раз обещал провести амнистию нелегалов (и это принесло ему поддержку лидеров испаноязычной общины), через полтора года в обращении к нации он был настроен уже несколько иначе. Призывы укреплять охрану границ и пресекать нарушение законов заставили многих комментаторов заговорить о том, что вместо либерализации иммиграционной политики новая администрация пойдет на ее ужесточение. *The Daily News* даже опубликовала статью «Иммиграционная реформа скончалась», в которой слова президента были названы «эпитафией» на могиле реформы. Обещание Обамы следить за тем, чтобы иммигранты, играющие по правилам, могли вносить свой вклад в американскую экономику, эксперты не восприняли всерьез, сравнив его с «костью, брошенной голодным псам»¹¹³.

Отсутствие значимых успехов вынуждало демократов строить свою предвыборную кампанию на критике оппонентов. Они постоянно указывали, что вынуждены «платить по векселям, оставленным администрацией Буша», и утверждали, что республиканцы блокируют работу конгресса. Обама, который во время предвыборной кампании 2008 года призывал к межпартийному единству, на этот раз не скрывал своего негативного отношения к Великой старой партии. «Если я сказал бы, что небо голубое, они бы отрицали это, если я сказал бы, что рыба живет в океане, они попытались бы это опровергнуть, – заявил американский президент, выступая на митинге в Милуоки. – Эти парни идут на выборы с лозунгом «Нет, мы не можем» и надеются одержать победу»¹¹⁴.

«Многие сравнивают нынешнюю ситуацию с 1994 годом, когда республиканцам удалось переиграть администрацию Клинтона, завоевав большинство в обеих палатах конгресса, – писал профессор Висконсинского университета Джон Колеман. – Однако есть и противоположный пример: на промежуточных выборах 1982 года, несмотря на все пессимистические прогнозы, команда Рейгана сумела сохранить преимущество республиканцев в законодательном корпусе»¹¹⁵.

Отказавшись от компромисса с умеренными республиканцами, Обама рассчитывал на поддержку либерального электората, продолжая проводить «новый курс», который подразумевал масштабные государственные затраты. По примеру Франклина Рузвельта он предлагал решить проблему безработицы, вкладывая средства в строительство железных дорог,

¹¹² *The Washington Post*. 2010. May. 18.

¹¹³ *The Daily News*. 2010. January. 28.

¹¹⁴ <http://www.whitehouse.gov/>

¹¹⁵ *The Huffington Post*. 2010. May. 12.

автомагистралей и мостов. Кроме того, он планировал выделить около 100 млрд. долларов на научные исследования и развитие высоких технологий.

Под впечатлением от провалов демократических кандидатов в губернаторы, которых активно поддерживал Обама, рядовые конгрессмены-демократы стали шарахаться от президента, опасаясь лишней раз появиться с ним на публике. «В результате, – писала *The New York Times* – партия отказывается сформулировать общую предвыборную стратегию, рассчитывая, что в каждом избирательном округе будет вестись своя кампания. Стоит оговориться, что такой подход привел к поражению республиканской партии на выборах 2006 года, ведь победить в 435 стычках намного сложнее, чем дать одно генеральное сражение»¹¹⁶.

Серьезным просчетом политтехнологов Обамы стало его заявление о том, что строительство мусульманского культурного центра в Нижнем Манхэттене, неподалеку от места, где стояли башни-близнецы, не противоречит законам США. «Такая позиция непопулярна в американском обществе, – отмечал редактор вашингтонского бюро журнала *Time* Майкл Даффи, – и президент льет воду на мельницу евангелистов, обвиняющих его в секуляризме, безбожии и тайных симпатиях к исламу»¹¹⁷.

Ошибки правящей партии, казалось бы, должны были придать республиканцам уверенности в собственных силах. Однако, как это ни удивительно, Великая старая партия оставалась не в лучшей форме. Представители партийного истеблишмента все чаще сталкивались с правыми радикалами – организаторами чаепитий, отстаивающими принципы «чистого консерватизма».

Пожалуй, именно эти люди стали главными героями кампании. И если в 2008 году американцы с интересом следили за политическим шоу демократов, подаривших публике молодого темнокожего сенатора, призывающего к переменам, то теперь их внимание было приковано к бунтарям-республиканцам, которые отстаивали американскую свободу словно первые колонисты в эпоху бостонского чаепития.

Организаторы чаепитий являлись наиболее яростными критиками администрации. Один из активистов движения Марко Рубио охарактеризовал политику Обамы как «пренебрежение нашими друзьями, умиротворение наших врагов и отказ от наших обязательств». «Чаевникам» удалось переиграть умеренных республиканцев в штатах Аляска, Кентукки и Делавэр, и они надеялись отстоять свои взгляды на будущее партии.

Как мы помним, придя к власти, президент обещал по примеру Линкольна и Рузвельта превратить свою администрацию в «эффективную команду соперников». Однако, по словам колумниста *The New York Times* Томаса Фримана, «эта схема, похоже, не сработала. Обаме не хватило лидерских качеств, и вместо команды соперников он создал стаю врагов, в которой каждый тянет одеяло на себя и не готов воспринимать президента в роли высшего арбитра»¹¹⁸.

Еще один исторический пример, который вдохновлял Обаму, это, конечно, администрация Джона Кеннеди. Как утверждал стратег демократической партии Питер Фенн, «35-й президент США обсуждал ключевые проблемы в тесном кругу людей, которых он давно знал и чьим суждениям доверял. Эта группа, которую политологи окрестили «Камелот», по сути, и определяла политику Кеннеди. Еще во время предвыборной кампании 2008 года стало очевидно, что Обаме такой управленческий стиль очень импонирует»¹¹⁹.

Эксперты отмечали, что на протяжении двух лет, что он находился у власти, принятие важнейших политических решений целиком и полностью зависело от влиятельных совет-

¹¹⁶ *The New York Times*. 2010. September. 3.

¹¹⁷ *The Time*. 2010. August. 20.

¹¹⁸ *The New York Times*. 2010. August. 13.

¹¹⁹ *The Boston Globe*. 2010. August. 31.

ников, входящих в его ближний круг. Однако в 2010 году эта «избранная рада» стала распадаться. Глава администрации Белого дома Рам Эмануэль покинул свой пост в связи с намерением побороться за место мэра Чикаго – города, в котором они вместе с Обамой делали первые шаги в политике. Старший советник президента по экономике Ларри Саммерс вернулся на должность ректора Гарвардского университета, заявив, что у него истекает срок академического отпуска. Председатель совета экономических консультантов Кристина Ромер покинула команду Обамы по схожим «академическим» причинам, вернувшись в Калифорнийский университет в Беркли. В отставку ушел и руководитель бюджетного управления Белого дома Питер Орзаг. Таким образом, как отмечала *The Washington Post*, «от Камелота Обамы скоро останутся лишь воспоминания. Рыцари уйдут, и за круглым столом мы увидим одного понурого президента, растерявшего всех единомышленников»¹²⁰.

Существование «избранной рады» всегда вызывало аллергию у чиновников, которым не удалось в нее войти. Пожалуй, наиболее ярко их настроения выразил советник президента по вопросам национальной безопасности генерал Джеймс Джонс, который, по словам известного американского журналиста Боба Вудворда, ежедневно изобретал новые прозвища для людей из ближайшего окружения Обамы, называя их «тараканами», «мафией», «предвыборным штабом» и «политбюро»¹²¹.

Пригласив в администрацию Джонса и сохранив на своем посту республиканского министра обороны Роберта Гейтса, Обама был убежден, что умаслил Пентагон. Однако генералы по-прежнему считали, что «гражданская команда» состоит из «леволиберальных пораженцев» и «слабаков». Когда же президент полностью переложил на них формирование стратегии в восточных войнах, они окончательно уверились в некомпетентности его администрации. В этом смысле многим показалось характерным интервью главнокомандующего в Афганистане Стэнли Маккрystalа, опубликованное в журнале *Rolling Stone* под названием «Генерал, сорвавшийся с катушек»¹²². Маккрystal, которого поклонники называли «воином-полубогом», позволил себе ряд ернических высказываний в адрес президентской команды, за что и был уволен. Однако пришедший ему на смену генерал Дэвид Петреус относился к советникам Обамы не менее скептически, называя их «стопроцентными пиарщиками». Те, в свою очередь, величали армейских военачальников «цепными псами Буша» и призывали их как можно быстрее вывести войска из Ирака и Афганистана. По словам Вудворда, на одном из совещаний в Белом доме Обама размахивал докладной запиской, в которой утверждалось, что, если армия пробудет за Гиндукушем еще десять лет, это обойдется американской казне в триллион долларов. «Если бы президент и его высший генералитет, – писал Вудворд, – приложили к ведению войны в Афганистане хотя бы половину тех усилий, что они тратят на взаимные распри, победа была бы у нас в кармане»¹²³.

За время президентства Обамы пропасть, которая существует в США между военными и гражданскими чиновниками, только углублялась. Как и в 1960-е годы, библией американских офицеров стала книга Самуэля Хантингтона «Солдат и государство»¹²⁴, в которой провозглашается, что «профессиональная военная каста обладает своим, отличным от остального общества мировоззрением и духовным складом, а идея гражданского контроля себя не оправдывает, поскольку военные намного лучше знают, как себя вести в той или иной ситуации, чем их наставники из администрации и конгресса»¹²⁵. Наиболее радикально настро-

¹²⁰ *The Washington Post*. 2010. September. 20.

¹²¹ Bob Woodward. *Obama's wars*. NY. 2010. P. 117.

¹²² Michael Hastings. *Runaway General* // *Rolling Stone*. 2010. June. 22.

¹²³ Bob Woodward. *Obama's wars*. NY. 2010. P. 93.

¹²⁴ Samuel Huntington. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. NY. 1957.

¹²⁵ *Ibidem*.

енные представители генералитета провозгласили даже, что в период затяжных войн на Ближнем и Среднем Востоке Америка должна вернуться к практике, сложившейся во время Второй мировой войны, когда генеральный штаб полностью определял военную политику страны и был абсолютно неподконтролен гражданским властям.

Однако конфликт военных и гражданских чиновников нельзя было назвать главным источником противоречий в администрации. Куда более серьезным вызовом для Обамы была оппозиция старых кланов демократической партии, которые ассоциировались с четюю Клинтонов. Многие политологи утверждали, что с тех пор как Хиллари Клинтон потерпела поражение на праймериз 2008 года, она мечтала о реванше. Неслучайно, выступая в начале сентября на заседании Совета по международным отношениям, госсекретарь США объявила, что «растущий государственный долг Америки представляет угрозу для национальной безопасности». «Критикуя обаманомистику, – писал *The American Thinker*, – Клинтон дистанцируется от внутривластного курса нынешней администрации и дает, таким образом, понять о своем желании участвовать в президентской гонке 2012 года»¹²⁶.

Политологи утверждали, что Клинтон надеется обойти своего нынешнего шефа на внутривластных выборах за счет голосов умеренных избирателей. «На посту госсекретаря, – утверждал Томас Фриман, – ей намного легче набрать очки перед очередной схваткой с Обамой. Заседая в сенате, она не смогла бы остаться в стороне от ожесточенных дебатов по реформе здравоохранения и сохранить лицо. В Госдепе же она не только приобретает опыт в международной политике, но и выстраивает отношения с умеренными республиканцами вроде главы Пентагона Роберта Гейтса»¹²⁷.

Клинтон поддерживали и специальные представители президента в горячих точках, и, в том случае, если она вновь скрестит копыя с Обамой, обещали агитировать за нее, восхваляя дипломатические таланты госсекретаря, сумевшего не наломать дров, работая под началом «неопытного молодого дилетанта». Вице-президент США Джо Байден, который руководил когда-то сенатским комитетом по международным отношениям, пытался противостоять натиску со стороны клинтоновских протеже и отстоять линию Обамы во внешней политике. Накал страстей демонстрировала характеристика, которой Байден наградила специального посланника в Афганистане и Пакистане, одного из ярких приверженцев Клинтон Ричарда Холбрука: «Это самый эгоистичный ублюдок, которого я когда-либо видел»¹²⁸.

¹²⁶ *The American Thinker*. 2010. September. 16.

¹²⁷ *The New York Times*. 2010. August. 25.

¹²⁸ Bob Woodward. *Obama's wars*. NY. 2010. P. 111.

ЧАЙНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Противоречия, существовавшие в администрации, не могли не повлиять на результаты промежуточных выборов в Конгресс, которые состоялись 2 ноября 2010 года. Как и предсказывали многие политологи, демократы потерпели на них сокрушительное поражение. «Из темно-синей нижняя палата Конгресса превратилась в багрово-красную, – писала The New York Times. – Такой резкой смены декораций на Капитолийском холме не было с 1948 года. Даже триумф республиканцев в 1994 году не сравнится с нынешней консервативной революцией»¹²⁹.

Эксперты отмечали, что среди избирателей-республиканцев была зафиксирована самая высокая явка с 1970 года, а среди демократов – самая низкая за всю историю. Демпартия, которой в 2006 и 2008 годах удавалось переиграть своих оппонентов даже в южных и западных штатах, считавшихся традиционной вотчиной республиканцев, потеряла очки на либеральном Северо-востоке и в районе Великих озер. В 2008 году симпатизирующие демократам комментаторы поспешили провозгласить конец республиканской эры и объявить Великую старую партию «теряющей влияние региональной группировкой южан». Однако, как писала The Washington Post, «республиканцы утерли нос левым либералам, похоронившим их два года назад, и доказали, что могут разгромить партию Обамы даже на ее поле»¹³⁰. Свидетельством тому стала победа консервативных кандидатов в таких штатах, как Нью-Йорк, Пенсильвания и Висконсин, не говоря уже о триумфе республиканца Марка Кирка, который был избран на освобожденное Обамой кресло сенатора от Иллинойса.

Политологи объясняли провал демократов тем, что их оппонентам удалось перехватить инициативу и склонить на свою сторону несколько групп населения, которые в 2008 году поддержали Обаму. Речь шла о женщинах, католиках, гражданах ниже среднего достатка и независимых избирателях. Что же касается традиционного электората Обамы – молодежи, афроамериканцев и латиноамериканцев – большинство из них проигнорировали промежуточные выборы.

В первую очередь, разочарование американцев в правящей партии было связано с удручающим состоянием экономики США. Несмотря на то, что администрация официально объявила об окончании рецессии, экономический рост по всем прогнозам должен был составить не более 1 %, при этом бюджетный дефицит уже превышал 1,5 трлн. долларов, а уровень безработицы, по некоторым данным, достиг в 2010 году 17,5 %, сравнявшись с аналогичным показателем периода Великой депрессии.

Отвернулись от Обамы и спонсоры. Даже Джордж Сорос, который всегда вкладывал деньги в предвыборные кампании Демпартии, на этот раз заявил, что останется в стороне, поскольку не верит в то, что «может остановить лавину». Как писал The Economist, «бизнесмены Силиконовой долины, которые два года назад воспринимали Обаму как выгодное вложение капитала, сейчас решили не инвестировать средства в заведомо проигрышное дело»¹³¹. И это при том, что в январе 2010 года Верховный суд отменил ограничения на финансирование партийных предвыборных кампаний, и выборы в Конгресс, по оценкам экспертов, стали самыми дорогими в американской истории. Демократам, правда, крупные корпорации выделили совсем немного, львиная доля средств была переведена в фонд Республиканской партии.

¹²⁹ The New York Times. 2010. November. 4.

¹³⁰ The Washington Post. 2010. November. 5.

¹³¹ The Economist. 2010. October. 24.

Первое время после того, как Обама занял Белый дом, он пытался угодить консервативным демократам, которых в Америке называют «голубыми псами». Однако выборы в Конгресс доказали, что ориентироваться на это крыло Демпартии президенту не стоило: ведь если леволибералы сумели отстоять свои позиции в Конгрессе, «голубые псы» понесли очень серьезные потери. По словам политтехнолога Билла Клинтона Дика Морриса, умеренные демократы сильно просчитались, понадеявшись, что «избиратели простят им голосование за обамовский пакет стимулов и реформу здравоохранения, стоит только попозирировать перед камерой с винтовкой в руках»¹³². В избирательной кампании такие вопросы как право на ношение оружия отошли на второй план, ключевую же роль в ней играли проблемы бюджетного дефицита и неуклонного роста правительственных полномочий.

Провал «голубых псов» объяснялся еще и тем, что они слишком настойчиво открешивались от политики Обамы. Правда, связывать себя с президентом, действительно, было не очень выгодно. Его рейтинг стремительно падал: накануне выборов в Конгресс, согласно опросу Gallup его работу одобряли лишь 42 % американцев, а 52 % были недовольны тем, как он справляется со своими обязанностями. «Теряющий популярность президент подложил свинью даже тем демократам, которые вполне могли одержать победу в своем округе, – отмечал бывший советник Буша-младшего Карл Роув. – По сути, выборы превратились в референдум по вопросу о том, одобряют ли американцы политику нынешней администрации»¹³³.

И хотя еще в конце 2009 года сам Обама, выступая в телешоу Опры Уинфри, оценил свою работу на «твердую четверку», большинство политологов были убеждены, что, будучи гениальным шоуменом, он оказался весьма посредственным президентом. «В 2008 году, – писал консервативный журнал *The American Thinker*, – президенту удалось загипнотизировать американский народ, однако промежуточные выборы в Конгресс доказали, что люди, наконец, выходят из транса»¹³⁴. За два года в Белом доме Обама успел заработать прозвище «хромой утки» (Буша-младшего стали так называть только к концу второго срока).

Президент оказался глух к требованиям средних американцев и предпочел закрыть глаза на зарождающееся в народе «чайное движение». «Американцы сейчас напуганы, – заявил он только, – а страх, как известно, плохой советчик»¹³⁵.

До Обамы ни один американский президент не был так зациклен на проблеме собственного имиджа. В 2008 году он пытался предстать в роли мессии, харизматика-полубога, который может сравниться лишь с великими американцами прошлого. Политтехнологи создавали соответствующую «иконографию»: ореол вокруг головы, свет, напоминающий освещение в храме и толпы поклоняющихся последователей. «В роли американского дуче, правителя Нового Рима, – писал *The American Thinker*, – Обама любит выступать и сейчас, по крайней мере, на публичных мероприятиях. Однако за те два года, что он находится у власти, нам стал знаком и другой его образ: поджатые губы, скрещенные руки, обиженное капризное выражение лица. Американские президенты никогда так не выглядели – это, скорее, напоминает упрямых юнцов и новоиспеченных провинциальных учителей»¹³⁶. Оппоненты все чаще стали называть его слабаком, «ботаником» и «безвольным тьюфом». «Американцам нужен пит-буль в Овальном кабинете, – писала *The Boston Globe*, – и Обама рискует повторить печальный опыт Джимми Картера, который вошел в историю как слабый политик, неспособный к решительным действиям. Было бы даже лучше, если бы первый афро-

¹³² <http://www.dickmorris.com/>

¹³³ *The Wall Street Journal*. 2010. November. 12.

¹³⁴ *The American Thinker*. 2010. November. 18.

¹³⁵ <http://www.whitehouse.gov/>

¹³⁶ *The American Thinker*. 2010. October. 29.

американский президент выбрал себе ампула злого напористого негра, а не изнеженного гарвардского интеллектуала»¹³⁷.

Как отмечал политолог Харлан Уллман, «за два года, что Обама находился у власти, стало очевидно, что он недостаточно квалифицирован для работы в Белом доме. До своего избрания президентом он всего два года заседал в сенате и этим ограничивается его законотворческий опыт. Он никогда не работал в исполнительной власти, не занимал руководящих постов. У него не было опыта в финансовой сфере, экономике, международной политике»¹³⁸.

Республиканцы добились настоящего триумфа и вынудили Обаму вернуться к риторике 2008 года. В интервью *The National Journal* он вновь напомнил о желании американцев видеть в Вашингтоне «взрослых людей, которые сотрудничают и пытаются решать проблемы, вместо того чтобы набирать политические очки»¹³⁹. Президент пообещал не накладывать вето на республиканские законопроекты и призвал соратников по партии «проявить надлежащее чувство смирения», поскольку без поддержки оппонентов они не смогут добиться своих целей.

Журналисты заговорили о «тектоническом сдвиге вправо», сравнивая разгром демократов с кометой Галлея, которую можно увидеть лишь раз в жизни. Нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман, глашатай левого крыла Демпартии, предупреждал в своей колонке в *The New York Times*, что последствия выборов 2010 года «будут ужасны». «Историки, – отмечал он, – возможно, будут писать об этом событии как о катастрофе для Америки, обречшей страну на годы политического хаоса и экономической слабости»¹⁴⁰.

Американцы были убеждены, что конгресс продолжит ставить администрации палки в колеса. И хотя некоторые республиканцы, такие, например, как спикер палаты представителей Джон Бейнер выступали за межпартийное сотрудничество, большинство предпочитали конфронтационную модель. Их настроения как нельзя лучше выразил лидер сенатского меньшинства Митч Макконнелл, заявивший, что главная цель республиканцев в конгрессе не допустить победы Обамы на президентских выборах 2012 года. Правда, многие отмечали, что, установив контроль над палатой представителей, оппозиционная партия будет вынуждена разделить с администрацией ответственность за принятие стратегических решений. А поскольку рецессия в Соединенных Штатах продолжится, часть вины за экономические провалы Обама сможет свалить на республиканцев и это как раз повысит его шансы на переизбрание. Как бы то ни было, было очевидно, что Америку ждут два бесплодных года: парализованный конгресс перестанет принимать законы, а Белый дом – генерировать новые идеи.

На посту спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси, с именем которой ассоциировались все знаковые реформы администрации Обамы, сменил республиканец Джон Бейнер, высмеиваемый оппонентами за «перманентный загар». Как и большинство однопартийцев он обвинял Обаму в «разбазаривании бюджета». Проблема «большого правительства» стала главной темой предвыборной кампании благодаря усилиям активистов Движения чаепития. Во многом именно это движение обеспечило триумф республиканской партии. Пестрая коалиция маргиналов всех мастей от либертарианцев до ультраконсерваторов, по сути дела, стала оборотной стороной того феномена, который вознес на вершину власти темнокожего народного трибуна Обаму. Суть его в глубоком недоверии к вашингтонскому политическому истеблишменту. «Чаевники», пылающие ненавистью к президенту, не слишком жаловали и верхушку Республиканской партии. Образ бунтарей, которые отстаивают американскую свободу, позволил им завоевать симпатии простых американцев.

¹³⁷ *The Boston Globe*. 2010. November. 6.

¹³⁸ Интервью автора с американским политологом Харланом Уллманом. 2010. Ноябрь. 18.

¹³⁹ *The National Journal*. 2010. October. 21.

¹⁴⁰ *The New York Times*. 2010. November. 6.

Немалую роль в этом сыграли полуанекдотичные кандидаты вроде Кристины О'Доннелл, одержавшей победу на республиканских праймериз в Делавере, а затем с треском проигравшей сопернику-демократу. «О'Доннелл, признавшаяся в том, что когда-то была ведьмой и инициировавшая кампанию против мастурбации, создает республиканцам имидж «партии обычных людей, таких, как я или ты». И поскольку представители вашингтонской элиты вызывают все большую аллергию у избирателей, этот имидж становится крайне востребован»¹⁴¹, – писал колумнист The New York Times Франк Рич в статье «Полезный идиотизм Кристины О'Доннелл».

Акции протеста чаевников, безусловно, представляли для публики куда больший интерес, чем официозные прообамовские митинги «Одна нация», которые как две капли воды походили на политические шоу демократов образца 2008 года. Лидеры Чайной партии критиковали «диктатуру всеобщего благоденствия» и обвиняли демократов в желании «национализировать воздух». «Это созвучно настроениям многих избирателей, – отмечал The Washington Post, – и ультраконсервативное движение чаепития заполняет идеологический вакуум, образовавшийся в связи с отсутствием свежих идей у представителей политического мейнстрима»¹⁴².

Однако как утверждал Харлан Уллман, «активисты Чайной партии очень напоминают персонажей «безумного чаепития» из «Алисы в Стране чудес». У них нет признанного лидера, отсутствует четкая политическая программа»¹⁴³. Многие аналитики отмечали, что чайная партия является «искусственным объединением» и распадется при первом удобном случае. «Среди активистов движения, – говорил политтехнолог Билла Клинтона Дик Моррис, – можно встретить людей, которые раньше никогда не смогли бы найти общий язык. Евангелисты, выступающие против аборт, бок о бок с геями-либертарианцами борются с социалистическими идеями Обамы»¹⁴⁴. «Социализм» издавна является для американцев ругательным словом. И чаевники предрекали Америке Обамы судьбу Европы, которую они называли «вотчиной госрегулирования, распухающей бюрократии и бесконечного перераспределения».

Эксперты отмечали, всего несколько лет назад тон в консервативной элите США задавали правые радикалы во главе с Джорджем Бушем-младшим, и движение чаепития вполне может быть фениксом, возродившимся из пепла. И хотя демократы успокаивали себя тем, что чаевники лишь расшатают республиканскую партию изнутри и оттолкнут от нее умеренных, эту точку зрения разделяли далеко не все. «Конечно, – писал The Economist, – движение чаепития выставило несколько непроходных кандидатов, однако их поражение на выборах ничто по сравнению с ренессансом, который переживает Республиканская партия благодаря действиям чайных активистов. Всего два года назад республиканцы были абсолютно деморализованы, а теперь они всерьез задумываются о возвращении в Белый дом»¹⁴⁵. Очень показательным было поведение экс-советника Буша Карла Роува, который поначалу скептически отнесся к чайному движению, однако затем начал его поддерживать и даже перенял характерную для его идеологов манеру выражаться, рассуждая о «взрыве народного гнева» и «грядущем апокалипсисе».

«Что касается внешнеполитических убеждений, чайная партия очень неоднородна, – отмечал экс-советник Буша-младшего по России Томас Грэм, – в ней есть как изоляционисты, так и националисты. Некоторые чаевники выступают за сокращение расходов на

¹⁴¹ The New York Times. 2010. October. 22.

¹⁴² The Washington Post. 2010. August. 13.

¹⁴³ Интервью автора с американским политологом Харланом Уллманом. 2010. Ноябрь. 18.

¹⁴⁴ <http://www.dickmorris.com/>

¹⁴⁵ The Economist. 2010. November. 6.

оборону, некоторые – ратуют за увеличение военного бюджета. Однако все они с подозрением относятся к прекраснотушным инициативам Барака Обамы, провозгласившего «перегрузку» в отношениях с Москвой и обхаживающего Китай, который является главным кредитором США»¹⁴⁶.

Стоит отметить, что взаимоотношениям с КНР кандидаты от обеих партий уделяли довольно большое внимание, что крайне нетипично для американских кампаний, традиционно сосредоточенных на внутренних проблемах Америки. Республиканцы, и, в первую очередь, представители Чайной партии критиковали администрацию Обамы за то, что она не может предложить рациональный сценарий взаимодействия с идеологически чуждым государством, экономика которого тесно переплетена с американской. Звучала иногда и российская тема: оппоненты утверждали, что команда Обамы идет на поводу у Кремля, закрывая глаза на внутривнутриполитическую ситуацию в России. Однако, что любопытно, по некоторым данным Пекин и Москва переводили средства на избирательную кампанию республиканцев, которые являются противниками протекционизма и готовы оказывать поддержку компаниям, переносящим свой бизнес за границу.

После победы на промежуточных выборах республиканцы тут же перешли в наступление. Зимой 2010/2011 гг. федеральный судья штата Флорида объявил неконституционным закон о системе здравоохранения. «Обязательное медицинское страхование – это абсурд – заявил он, – с таким же успехом правительство может заставить людей покупать одежду или продукты питания». Смелости судье придало решение Конгресса о приостановке действия закона. «Чайная партия показывает зубы, – отмечала The New York Times, – ее представители утверждают, что Обамасаре отправит в нокаут финансовую систему США и их миссия состоит в том, чтобы умерить аппетит сторонников «большого правительства» и приструнить верховного здравоохранителя»¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Интервью автора со старшим директором консалтинговой фирмы Kissinger Associates Томасом Грэммом. 2010. Август. 15.

¹⁴⁷ The New York Times. 2011. January. 8.

ПРЕЗИДЕНТ МЕНЬШИНСТВ

После того как в ноябре 2010 года демократы проиграли выборы в Конгресс, в комедийном шоу на телеканале NBC появился видеоролик, в котором президент Обама с трудом сдерживает свои эмоции, выступая перед журналистами, а затем, будучи уже не в силах контролировать себя, выбивает дверь ногой. Для человека, который в одночасье стал кумиром миллионов, очень непросто признать поражение. «Нам не удалось реализовать обещанные реформы и справиться с экономическими трудностями, – заявил Обама в октябре 2011 года. – Однако меня не беспокоит, что люди считают меня неудачником. Я давно с этим свыкся»¹⁴⁸. Однако у многих это вызывало сомнения. «Неужели честолюбивый Обама, – писала The Huffington Post, – так легко откажется от Овального кабинета, без боя уступив его представителю республиканской партии, ни один из которых не обладает и сотой долей его харизмы?»¹⁴⁹ Да, результаты соцопросов для действующего президента были неутешительными. Но политтехнологи, которые привели его к триумфу 2008 года, говорили, что ситуацию еще можно исправить.

Главный политический советник президента Дэвид Аксельрод утверждал, что «демократам предстоит титаническая борьба»¹⁵⁰. На предыдущих выборах победу Обамы во многом обеспечили промышленные штаты Среднего Запада, однако в 2012 году рассчитывать на них не приходилось, ведь за то время, что Обама находился у власти, основные отрасли промышленности так и не оправались от кризиса. Поэтому ставка делалась на южные штаты, которые традиционно считались вотчиной республиканцев.

Кроме того, эксперты отмечали что Обама изо всех сил старается укрепить собственную электоральную базу, добившись безоговорочной поддержки тех слоев, которые голосовали за него на прошлых выборах. Такую же стратегию в 2004 году избрал политтехнолог Буша Карл Роув, который предложил «наплевать на голоса независимых избирателей и сосредоточиться на работе с правоверными республиканцами: евангелистами и представителями морального большинства»¹⁵¹. Обама точно так же сконцентрировался на работе со своими сторонниками: афроамериканцами, латиноамериканцами и молодежью.

Конечно, было очевидно, что рекордный процент явки среди темнокожих избирателей на выборах 2008 года, повторить будет сложно, однако Обама вновь надеялся взбудоражить «черную Америку». «Перестаньте плакать и жаловаться, – заявил он в выступлении на ежегодном съезде Ассоциации афроамериканцев, – смените, наконец, домашние тапочки на армейские ботинки. И вы оторвете себе свой кусок жизни и победите»¹⁵². «Stop complainin. Stop grumblin. Stop cryin!» – восклицал он, подражая сленгу темнокожих, которые в разговоре опускают обычно букву «g». «Даже во время прошлой предвыборной кампании, – писал The American Thinker, – Обама не заигрывал так с афроамериканским электоратом. По содержанию его речь мало чем отличалась от воинственных воззваний черных проповедников, а ее интонация и ритм напоминали рэп-речитатив». Конечно, такие выступления могли отвлечь от Обамы часть белых избирателей, которые все меньше воспринимали его как общеамериканского кандидата. Однако президент, похоже, готов был идти ва-банк. И не только в негритянском вопросе. Ради того чтобы вновь привлечь голоса испаноязычных избирателей, Обама призывал иммиграционные власти США прекратить депортацию нелегалов. И

¹⁴⁸ <http://www.whitehouse.gov/>

¹⁴⁹ The Huffington Post. 2011. October. 18.

¹⁵⁰ The Los Angeles Times. 2011. September. 27.

¹⁵¹ The Washington Times. 2004. June. 20.

¹⁵² The American Thinker. 2011. September. 25.

хотя ему так и не удалось провести через Конгресс так называемый «закон мечты», который должен был предоставить амнистию миллионам латиноамериканцев, нелегально проживающих на территории США, он надеялся все же вернуть расположение лидеров испаноязычной общины. Как отмечал консервативный радиоведущий Раш Лимбо, «латинос рассчитывают, что Обама оправдает прозвище «мексиканский президент» и, избравшись на второй срок, позволит им осуществить в США демографическую реконквисту».

Продолжали уповать на Обаму и борцы за права геев. В сентябре 2011 года ему удалось протолкнуть через Сенат закон, отменяющий известное правило «не спрашивают – молчи», которое позволяло геям служить в вооруженных силах США лишь в том случае, если они не распространяются о своей сексуальной ориентации. А уже в 2012 году президент призвал снять запрет на заключение однополых браков. Ультраконсерваторы тут же провозгласили его «президентом меньшинств» и начали иронизировать по поводу голубого цвета, который является символом «партии ослов».

Очень многое зависело от того, сумеет ли Обама вновь заручиться поддержкой молодежи. Ведь за время правления демократической администрации она успела разочароваться в риторике перемен, и разыгрывать ту же карту президент уже не мог. «Как объяснить теряющим работу молодым людям, – писала *The Washington Post*, – что президент денно и нощно заботится об их благе? Никакие популистские заявления и эффектные выходы на сцену под музыку U2 положение не исправят. И Обаме придется разработать новую тактику в борьбе за голоса молодых избирателей»¹⁵³.

Еще сложнее дело обстояло с квалифицированными рабочими, так называемыми синими воротничками, которые всегда относились к Обаме с подозрением. Даже в 2008 году лишь 37 процентов из них проголосовали за темнокожего кандидата. И несмотря на то, что в эпоху Обамы пренебрежительное отношение к профсоюзам, характерное для предыдущей администрации ушло в прошлое, и федеральным властям было запрещено оказывать давление на профсоюзных лидеров и ограничивать их в правах, крупнейшие трудовые союзы присоединились к акциям протеста, в начале октября 2011 года охватившим американские города.

Политологи утверждали, что изменить позицию профсоюзов могут лишь представители старой демократической гвардии, связанные с кланом Клинтонов, (экс-президент всегда считался кумиром белых рабочих). Однако в Вашингтоне все чаще можно было услышать разговоры о расколе внутри правящей элиты, преодолеть который не удалось даже после четырехчасовой партии игры в гольф между Барак Обамой и Биллом Клинтон. Многие демократы надеялись, что Хиллари Клинтон возьмет реванш за поражение от Обамы на праймериз 2008 года, а приближенные к чете Клинтонов политтехнологи Джеймс Карвилль и Марк Пенн призвали президента «поучиться у Линдона Джонсона, который отказался от переизбрания на второй срок в связи с катастрофическим падением рейтинга»¹⁵⁴.

Клинтоны не стеснялись критиковать обаманомнику и дистанцировались от внутриполитического курса нынешней администрации. «Работая в команде Обамы, – утверждал политолог Томас Фриман, – Клинтон никогда не забывала о собственных амбициях и так и не смирилась с главенством темнокожего политика, который перебежал ей дорогу в тот момент, когда до заветного президентского кресла оставалось буквально полшага»¹⁵⁵.

Накануне выборов летом 2011 года Обама произвел небольшие перестановки в кабинете министров, отправив на покой главу Пентагона Роберта Гейтса и заменив его на

¹⁵³ *The Washington Post*. 2011. November. 10.

¹⁵⁴ <http://www.dickmorris.com/what-is-bill-clinton-up-to-2/>

¹⁵⁵ *The New York Times*. 2011. June. 21.

бывшего начальника ЦРУ Леона Паннету. Пост главы Центрального разведывательного управления занял генерал Дэвид Петреус, бывший командующий силами США и НАТО в Афганистане. Петреус прославился еще во время иракской войны, когда в 2007 году сумел переломить ход операции, усилив воинский контингент и разработав эффективную противоповстанческую тактику. Подчиненные называли его царь Давид и отмечали, что во всех начинаниях ему сопутствует успех. Тем не менее, в Вашингтоне критиковали кадровое решение Обамы, указывая на то, что у Петреуса нет опыта работы в спецслужбах. «Самыми лучшими руководителями ЦРУ, – писала The Washington Post, – были люди штатские вроде Аллена Даллеса и Уильяма Кейси. А Петреус, который был блестящим военачальником, скорее всего, окажется посредственным разведчиком»¹⁵⁶.

¹⁵⁶ The Chicago Tribune. 2011. October. 18.

АМЕРИКАНСКИЙ РОБИН ГУД

Шансы действующего президента во многом зависели от того, что станет главной темой его предвыборной кампании. «Риторика перемен, призывы к национальному примирению, обещание порвать с вашингтонским истеблишментом, пацифистские лозунги – все это уже было и вряд ли сработает во второй раз, – отмечал старший помощник президента Дэвид Плафф, – Нам нужна новая фишка, и мы ее обязательно придумаем»¹⁵⁷. Эксперты утверждали, что такой фишкой вполне может стать раскулачивание американских «жирных котов». Не случайно Обама объявил в ноябре 2011 года, что сократить дефицит бюджета можно лишь за счет повышения налогов для состоятельных граждан, чьи доходы составляют более миллиона долларов в год. На Капитолийском холме налоговую реформу окрестили «правилом Баффета», по имени миллиардера Уоррена Баффета, который возмущался, что платит в казну всего 17 % от зарплаты, тогда как его менее имущие коллеги вынуждены отдавать от 30 до 40 %. «Когда представители среднего класса, – писал журнал *The Nation*, – выплачивают государству огромную часть доходов, а жирные коты ограничиваются мелкими подачками – это значит, что мы имеем дело с извращенной налоговой системой, изменить которую может лишь американский Робин Гуд»¹⁵⁸.

Попытки Обамы увеличить налогообложение для состоятельных граждан (даже просто отобрать у них льготы, выделенные Бушем) не увенчались успехом. Если бы он начал именно с налоговой реформы, возможно, ему удалось бы ее протолкнуть, но тогда не прошла бы реформа здравоохранения. Как бы то ни было, большинство политологов отмечали, что идеей фикс для Обамы являлась идея сохранения «среднего» класса. «Если "среднего" класса не будет – то современному западному обществу придет конец», – утверждали американские левые интеллектуалы вроде Пола Кругмана, которые оказывали на президента решающее влияние. «Именно на поддержание «среднего» класса была направлена реформа здравоохранения, – отмечал российский экономист Михаил Хазин. – Ведь в условиях кризиса все меньше людей могли позволить себе медицинскую страховку, а она, как известно, – важнейший элемент самоосознания представителей «среднего» класса. Именно на защиту бедняков, которые надеются попасть в «средний» класс, была рассчитана политика Обамы накануне выборов»¹⁵⁹. И если в 2009–2010 году деньги тратились, в основном, на поддержку финансового сектора, то в 2011–2012-м львиная доля бюджетных средств шла на социальные расходы.

Республиканцы называли инициативы президента «дорогой к классовой войне». Однако его популистская задача была выполнена: Обама предстал в образе защитника угнетенных и врага богачей – образе, который был так востребован в Соединенных Штатах.

О том насколько был востребован этот образ говорила популярность движения «Оккупируй Уолл-стрит», представители которого с осени 2011 года начали проводить демонстрации у здания Нью-йоркской фондовой биржи. Они призывали избавиться от финансового терроризма, ограничить доходы финансистов и поставить под общественный контроль банки и инвестиционные фонды. «Умерьте жадность корпораций», «Мы объявляем войну корпоративным зомби, которые пожирают деньги», – скандировали они. Что характерно, лозунги манифестантов «Уберите деньги из политики» и «Я не могу позволить себе лоббиста» перекликались с заявлением главного стратега предвыборной кампании Обамы Дэвида

¹⁵⁷ *The Chicago Tribune*. 2011. October. 18.

¹⁵⁸ *The Nation*. 2011. November. 24.

¹⁵⁹ Интервью автора с руководителем компании экспертного консультирования «НЕОКОН» Михаилом Хазиним. 2012. Июль. 11.

Аксельрода о том, что Соединенные Штаты должны избежать повторения так называемого «позолоченного века», когда в 1920-е годы крупные финансовые корпорации «с потрохами покупали политиков». Обращали на себя внимание и высказывания близкого Обаме финансиста Джорджа Сороса, который отметил, что «понимает злобу налогоплательщиков, обязанных отдавать свои деньги проблемным банкам»¹⁶⁰.

Эксперты утверждали, что если отбросить некоторые утопичные идеи протестующих вроде предложения обеспечить бесплатное высшее образование или немедленно списать все государственные долги, большая часть их политической программы совпадала с тезисами избирательной кампании Обамы. Взять хотя бы требования выделить триллион долларов на развитие инфраструктуры и ввести всеобщее государственное медицинское страхование. Многие даже стали отстаивать версию, что участие в протестном движении организации A.F.L.-C.I.O., объединяющей 56 профсоюзов США, позволит умеренным профсоюзным деятелям перехватить инициативу у радикалов и использовать массовые выступления для того чтобы утвердить обамовскую программу борьбы с безработицей.

Один из отцов-основателей Чайной партии Карл Деннингер, который, кстати сказать, принимал активное участие и в движении «Оккупируй Уолл-стрит», призывал его лидеров не повторять ошибок чаевников, которые растворились, в итоге, в республиканском истеблишменте. «Надеюсь, – говорил он, – организаторы нынешних выступлений будут мудрее и не дадут обвести себя вокруг пальца. И вместо того чтобы примкнуть к демократам, став леворадикальным крылом правящей партии, они сохранят независимость от прогнившей двухпартийной системы»¹⁶¹.

Популярность движения «Оккупируй Уолл-стрит», как и взлет Чайной партии, в первую очередь, объяснялась недоверием к вашингтонскому политическому истеблишменту. И в том и в другом случае протесты охватывали практически всю Америку (после демонстраций в Нью-Йорке массовые выступления начались в Лос-Анджелесе, Чикаго и Сан-Франциско, а небольшие митинги прошли во всех без исключения штатах). И в том и в другом случае формировалась пестрая разрозненная коалиция. В Движении чаепития в 2009–2010 гг. принимали участие маргиналы всех мастей (правда, в основном это были люди правых взглядов). В 2011-м на улицы вышли такие же маргиналы только из левого лагеря: анархисты, борцы за права геев, защитники бездомных животных и даже сторонники Революционной коммунистической партии США. Однако стоит отметить, что наряду с левацкими гуру вроде философов Корнелла Веста и Ноама Хомского, публициста Майкла Мора, сенатора Берни Сандерса и хип-хоп продюсера Рассела Симмонса, среди лидеров движения были и консерваторы, такие, как телеведущий Дилан Ратиган, упомянутый выше Карл Деннингер и лидер либертарианской партии Рон Пол. Как и чаевники, «оккупанты» постоянно обращались к наследию отцов-основателей, которые предупреждали, якобы, что двухпартийная система представляет собой серьезную угрозу для Соединенных Штатов.

Многие участники выступлений призывали к демократической революции, сравнивали нью-йоркскую площадь Свободы с египетской площадью Тахрир и по аналогии с «арабской весной» грозились устроить властям американскую осень. В центральных СМИ, разумеется, к этим заявлениям относились несерьезно. Движение «оккупантов» называли «сборной солянкой», «организацией с неопределенными целями». The New York Times вспоминала эпизод из фильма «Дикарь», когда Марлон Брандо, изображающий лидера радикальной группировки на вопрос молодой женщины о том, против чего он выступает, ответил «А против чего надо, черт возьми?» «У здания нью-йоркской биржи, – писала газета The Wall Street Journal, – собрались обыкновенные хиппи, люди, которым просто необходимо пойти

¹⁶⁰ Reuters. 2011. October. 22.

¹⁶¹ The Exeminer. 2011. December. 1.

работать». «Но куда идти работать, – парировали участники демонстраций, – если финансисты с Уолл-стрит планомерно уничтожают экономику?»¹⁶²

Эксперты задавались вопросом, сможет ли Обама сыграть роль американского Робингуда и использовать набирающее силу протестное движение в своих интересах или речь, действительно, идет о классовой войне наподобие той, что велась в западных странах после мирового кризиса 1929–1933 годов. Судя по тому, как жестко разгоняла американская полиция митинги «оккупантов», скорее, можно было говорить о втором варианте.

¹⁶² The Wall Street Journal. 2011. September. 29.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ЛИЛИПУТЫ

Конечно, республиканцы рассчитывали бросить вызов Обаме. Они делали все возможное, чтобы заблокировать работу Конгресса и не допустить его победы на президентских выборах. Но, по словам политолога Майкла Барона, «главная проблема состояла в том, что среди республиканских кандидатов не было ни одного политика-тяжеловеса. Этим и объяснялась стремительность, с которой менялись предпочтения избирателей. Сначала фаворитом был Митт Ромни, затем Мишель Бахман, Рик Перри, Ньют Гингрич и вновь Ромни»¹⁶³.

Весной 2011 года Ромни называли «Гулливером», который легко одолеет своих соперников-лилипутов. «Лучшего кандидата республиканцам не найти, – отмечала The New York Times, – представительная внешность, медальное лицо: он выглядит именно так, как должен выглядеть президент Соединенных Штатов»¹⁶⁴. Да и в биографии его не к чему было придраться. Потомственный политик (отец Ромни был директором автомобильной корпорации American Motors, губернатором Мичигана, министром жилищного строительства в Вашингтоне и даже принимал участие в президентской гонке 1968 года), он начинал карьеру в бизнесе. Основанная им компания Bain Capital весьма успешно занималась скупкой разорившихся фирм. В 2002 году Ромни возглавил организационный комитет Зимних олимпийских игр в Солт-Лейк-Сити и приобрел репутацию умелого администратора. На следующий год он одержал победу в борьбе за кресло губернатора штата Массачусетс и на этом посту также не ударил в грязь лицом, стимулируя экономический рост и активно создавая рабочие места.

Однако консервативные республиканцы называли Ромни «социалистом», который пытается превратить свой штат в «Народную Республику Массачусетс». Особенно гневные отзывы вызвала проведенная им реформа здравоохранения, в результате которой было введено обязательное медицинское страхование для всех жителей штата. (Реформа послужила прообразом для федерального закона, принятого в эпоху Обамы и ставшего главным объектом нападков со стороны «Чайной партии»). Многие вспоминали, что на посту губернатора Ромни не раз высказывался за право женщин на аборт и снисходительно относился к гейскому движению. Конечно, перед тем как в первый раз выставить свою кандидатуру на республиканских праймериз он отрекся от «либеральных заблуждений» и начал позиционировать себя как политика, защищающего традиционные консервативные ценности. Избиратели, правда, на это не купились. «И хотя мультимиллионер Ромни вложил в свою кампанию огромные средства, – писала The Washington Post, – его сочли чересчур высокопарным и неестественным»¹⁶⁵. Что, впрочем, не помешало ему вступить в предвыборную гонку во второй раз.

В прессе его тут же окрестили фаворитом, однако сами республиканцы с такой оценкой согласны не были. «Да, он пользуется поддержкой партийного истеблишмента, – говорил президент консервативной группы Freedom Works Мэтт Киббе, – он узнаваем, у него есть деньги. Но он так и не завоевал сердца и умы рядовых членов партии». Республиканцы становились все более консервативными, Ромни же и его «прагматизм» у многих вызывал аллергию. «Конечно, не исключено, – писала The Patriot Post, – что на предстоящих выборах повторится ситуация 2008 года, когда под воздействием либеральных СМИ республиканцы предпочли маверику Маккейна экс-губернатору Арканзаса Майку Хаккаби, который отста-

¹⁶³ The Washington Examiner. 2012. January. 22.

¹⁶⁴ The New York Times. 2011. May. 19.

¹⁶⁵ The Washington Post. 2011. June. 4.

ивал принципы «чистого консерватизма». А ведь, согласно опросам общественного мнения, Хаккаби вполне мог одолеть Обаму»¹⁶⁶.

Редакционный совет журнала *The Wall Street Journal*, который пользуется огромным влиянием в консервативных кругах, порекомендовал Ромни идти на выборы в роли напарника Обамы и сообщать отстаивать в Вашингтоне идеалы большого правительства¹⁶⁷. «Для большинства избирателей очевидно, что Ромни – RINO (Republican In Name Only – республиканец только по названию), – утверждал активист Чайной партии Джо Миллер, – и если он одержит победу на праймериз это будет настоящей катастрофой для страны. Ведь тогда, скорее всего, появится влиятельный консервативный кандидат от третьей партии и президент Обама, воспользовавшись расколом в стане врагов, легко переизбирется на второй срок»¹⁶⁸. «Судьба экс-губернатора Массачуссетса, – писал *The Economist*, – чем-то напоминает судьбу Хиллари Клинтон. Республиканцы точно так же, как и демократы четыре года назад, не могут согласиться с выбором, который для большинства экспертов, представляется очевидным. «Кто угодно – только не Митт, – говорят они»¹⁶⁹.

Серьезной проблемой для Ромни являлось его вероисповедание. Еще на прошлых выборах многие евангелисты, которые по-прежнему являются самой влиятельной частью республиканского электората, отказались голосовать за него на том основании, что он мормон. Причем, не простой прихожанин, а один из видных деятелей мормонской церкви. Ромни принадлежит к главной мормонской деноминации – Церкви святых последних дней и долгое время возглавлял объединение из 14 приходов в Бостоне.

Конечно, в 60-е годы Америка избрала президента-католика Джона Кеннеди, но мормоны – это совсем другое дело. В массовом сознании они ассоциируются с таинственными ритуалами, происходящими за закрытыми дверями храма, крещением мертвых и многоженством, которое, правда, было запрещено еще в XIX веке, но до сих пор остается символом мормонства. Не случайно остроумцы утверждали, что в случае избрания Ромни президентом в Америке появится три первых леди. Как писал *The World Magazine*, «вообразить, что прихожанин мормонской церкви занял Белый дом, практически невозможно. С таким же успехом президентское кресло может достаться шаману или поклоннику культа вуду»¹⁷⁰.

Тем не менее, говорили политологи, чтобы победить Обаму необходимо перетянуть на свою сторону часть умеренных республиканцев и независимых избирателей. И сделать это под силу только Ромни. Правда, представительница «Чайной партии» Мишель Бахман, которая также участвовала в республиканских праймериз, с такой точкой зрения была не согласна. «Обама – одноразовый президент, – утверждала она, – он в любом случае проиграет выборы, а значит у республиканцев впервые за долгое время появляется шанс выдвинуть кандидата своей мечты, наплевав на прагматичные соображения»¹⁷¹. Стоит отметить, к тому же, что умеренные республиканцы вроде Боба Дола и Джона Маккейна выборы всегда проигрывали, победу же праздновали консерваторы, такие, как Рональд Рейган или Джордж Буш-младший.

Экс-спикер Палаты представителей Ньют Гингрич как раз считался одним из идеологов консервативного крыла Великой старой партии. Многие указывали, что он является опытным политиком, автором партийной платформы «Контракт с Америкой», благодаря которой республиканцы в 94-м году впервые за 40 лет получили большинство в Палате пред-

¹⁶⁶ *The Patriot Post*. 2011. July. 27.

¹⁶⁷ *The Wall Street Journal*. 2011. August. 16.

¹⁶⁸ *Ibidem*.

¹⁶⁹ *The Economist*. 2011. September. 22.

¹⁷⁰ *The World Magazine*. 2011. June. 9.

¹⁷¹ *The American Thinker*. 2011. October. 17.

ставителей. Не так давно он выпустил книгу «Спасти Америку: остановим секулярно-социалистическую машину Обамы», в которой сокрушался о потере нравственных и религиозных ориентиров. А поскольку более 70 процентов республиканцев были убеждены в том, что кандидат в президенты должен быть «очень верующим человеком», Гингрич быстро завоевывал популярность. Правда, критики отмечали, что сам 67-летний политик далеко не безгрешен. Он дважды бросал своих жен, его не раз уличали в адюльтере и, к тому же он страдает манией величия. «Гингрич, – утверждал Майкл Барон, – это лидер, у которого существует один стандарт для оценки собственного поведения, и другой – для поведения окружающих. Людей, не согласных с его точкой зрения, он называет идиотами, социалистами и маргиналами, которые не разделяют американских ценностей»¹⁷². В июне 2011 года от него сбежали все политтехнологи, он чуть было не сошел с дистанции, и продолжал при этом разглагольствовать о том, что президентский пост завещал ему Рональд Рейган. О Гингриче шутили, что он автор десяти из пяти лучших инновационных идей.

Долгое время именно Гингрич был основным соперником Ромни на праймериз. Однако, как утверждал бывший кандидат в президенты Боб Дол, который в конце 1990-х был лидером республиканского большинства в сенате: «никто из политиков, работавших с Ньютом в конгрессе, не поддержит его кандидатуру, поскольку это актер-одиночка, который любит приписывать себе несуществующие заслуги». «Как бы ни пытался Ньют переписать историю, – отмечал *The Economist*, – утверждения о том, что он помогал Рейгану в создании новой государственной идеологии, превращают его в циркового клоуна»¹⁷³.

Многих в Америке смущал и тот факт, что крупнейшим спонсором Гингрича выступил владелец казино в Лас-Вегасе Шелдон Адельсон, а в последние годы бывший спикер активно лоббировал интересы крупных корпораций в Вашингтоне. Его называли вашингтонским инсайдером, незнакомым с проблемами реальной Америки. А правые консерваторы не могли забыть, что он отказался поддержать кандидата Чайной партии в 23 округе Нью-Йорка и сравнивали с Бенедиктом Арнольдом, предателем времен войны за независимость. Тем не менее, около 40 процентов республиканцев были убеждены, что из всех кандидатов только Гингрич способен справиться с обязанностями главнокомандующего. Большинство комментаторов отмечали также, что Ньют – прирожденный борец. «Он преисполнен энтузиазма и готов сражаться любым оружием на любой арене. Это настоящий гладиатор»¹⁷⁴, – говорил о нем бывший республиканский партийный функционер Эдди Мэй. «Истеблишмент пытается распясть Гингрича, – вторила ему экс-губернатор Аляски Сара Пейлин, – но политический театр для него всегда будет театром военных действий»¹⁷⁵.

Некоторые шансы были еще у губернатора Техаса Рика Перри: образцового консерватора, бывшего капитана ВВС, после службы в армии управлявшего хлопковой фермой. Еще в 1990 году он устроился в администрацию Техаса, где поначалу отвечал за сельское хозяйство, а затем был назначен вице-губернатором. После того как в 2000 году его босса Джорджа Буша-младшего избрали президентом, Перри занял его место. В нулевые годы он три раза подряд выигрывал губернаторские выборы, заслужив звание самого успешного руководителя за всю историю штата (его сторонники отмечали, что с 2009 года 40 % всех новых рабочих мест в США были созданы в Техасе).

«У него патерналистские методы управления, – писал *The New Republic*, – чего стоит хотя бы инициатива о введении в Техасе дней моления о дожде, но южанам, похоже, это нра-

¹⁷² The Washington Examiner. 2012. January. 12.

¹⁷³ The Economist. 2011. October. 6.

¹⁷⁴ The Wall Street Journal. 2012. February. 14.

¹⁷⁵ Ibidem.

вится»¹⁷⁶. Перри прославился резкой критикой федеральных властей. В 2010 году он опубликовал книгу под характерным названием «Хватит! Наша борьба за спасение Америки от Вашингтона»¹⁷⁷ и несколько лет подряд намекал на то, что Техас вполне может отделиться от США, если столичная элита «продолжит совать свой нос куда не следует». «Оппоненты Перри считают, что после его призывов к сецессии ему нечего ловить на президентских выборах, – писал *The American Thinker*, – однако губернатор, который ежегодно вывешивает флаг Конфедерации, вполне может стать кумиром на Юге США и завоевать голоса «патриотов», которые считают недоразумением избрание чернокожего президента»¹⁷⁸.

Вполне естественно, что Перри нанял менеджеров, которые занимались предвыборной кампанией Буша-младшего – Джо Эльбо и Курта Андерсона. Как и Буш он не мог похвастаться хорошим образованием: Перри с трудом закончил второразрядный Техасский механико-сельскохозяйственный университет. Однако, как предсказывала *The New York Times*, «стремление спрятаться в религиозном психозе принесет ему голоса американцев, разочарованных бесплодной политикой Обамы»¹⁷⁹. Поддержать Перри могли и представители еврейского лобби, недовольные демократической администрацией. Ведь губернатор Техаса не раз заявлял о том, что «земля Израиля была дана еврейскому народу Господом Богом».

Многие предсказывали, что на республиканских праймериз победу будут праздновать ультраконсерваторы, бросившие вызов «республиканским бонзам, которые, по их мнению, проповедуют истины, противоречащие здравому смыслу и логике консервативного большинства». Однако этого не произошло.

Долгое время считалось, что кандидатом от Движения чаепития станет экс-губернатор Аляски Сара Пейлин, которая была напарницей Джона Маккейна на выборах 2008 года. Однако к 2011 году она полностью растеряла свой политический капитал. По словам комментатора CNN Шеннона Трэвиса, «Сару погубила звездная болезнь. Ведь если бы она осталась на посту губернатора Аляски, консерваторы, наверняка, сплотились бы вокруг ее фигуры, но ринувшись в шоу-бизнес и сделавшись лицом телеканала Fox News, она подписала себе приговор. И чаевники связывали надежды с другой харизматичной женщиной – Мишель Бахманн»¹⁸⁰.

Бахманн – одна из тех представителей Движения чаепития, которые сотворили сенсацию на выборах в нижнюю палату Конгресса 2010 года. Она выиграла выборы в штате Миннесота и вошла в комитет по разведке. Ее считали идеальным кандидатом для жителей американской глубинки, которые в большинстве своем придерживаются консервативных взглядов. Бахманн говорила на сложные экономические темы простым языком, не скрывала своих ультраправых убеждений и называла себя новообращенной христианкой и решительным противником абортот и однополых браков. Комментаторы окрестили ее «профессиональной матерью» (у Бахманн пятеро собственных детей и еще 23 ребенка, которых она воспитывает за счет государства).

Республиканский политтехнолог Рон Бонджин отмечал, что «в отличие от Ромни скованного, не уверенного в себе и не способного ни на миллиметр отойти от заранее заданных схем, Бахманн – непредсказуемая, слегка развязная популистка, которая не лезет за словом в карман и не всегда контролирует свои эмоции. И если Ромни может навредить излишняя осторожность, то Бахманн погубят ее досадные промахи»¹⁸¹. Только за первые месяцы

¹⁷⁶ *The New Republic*. 2011. July. 8.

¹⁷⁷ Rick Perry. *Fed Up! Our Fight to Save America from Washington*. NY. 2010.

¹⁷⁸ *The American Thinker*. 2011. July. 18.

¹⁷⁹ *The New York Times*. 2011. August. 28.

¹⁸⁰ CNN. 2011. June. 25.

¹⁸¹ *The Wall Street Journal*. 2011. July. 17.

предвыборной кампании она успела объявить «отцов-основателей», большинство из которых были рабовладельцами, «борцами за права темнокожих», спутать актера Джона Вейна с серийным убийцей Джоном Вейном Гейси и обвинить администрацию Обамы в том, что она распродает «весь стратегический запас нефти США», хотя речь шла лишь о небольшом объеме сырья, которое хранится в соляных пещерах у побережья Мексиканского залива.

Когда осенью 2011 года Бахманн на короткий период стала фаворитом республиканской гонки на левом фланге началось смещение. Ведь вначале демократы не воспринимали ее всерьез, называя «политической психопаткой», «религиозной фанатичкой» и «пустышкой». Но затем даже колумнист либерального журнала *New Republic* Джонатан Чайт вынужден был признать, что «Бахманн – прекрасный оратор и очень эффективный менеджер. Не случайно она собрала рекордную сумму пожертвований на свою кампанию в Конгресс (на \$ 14 миллионов больше, чем остальные кандидаты). И хотя многие в Америке сравнивают ее с Сарой Пейлин, Бахманн, на самом деле, куда более харизматичная фигура»¹⁸².

Самым опасным, с точки зрения партийной элиты, кандидатом являлся Рон Пол – 76-летний конгрессмен от Техаса, который на президентских выборах 1980 года уже выставлял свою кандидатуру от либертарианской партии. «Республиканские бонзы, – писал в интернет-блоге студент Гарварда Том Рикс, – делают сейчас все возможное, чтобы остановить Пола. На кокусе в Айове, где у него были все шансы на успех, неожиданно исчезли бюллетени двух графств, и многие специалисты предполагают, что они были специально выведены из оборота»¹⁸³. Один из победителей кокуса бывший сенатор от Пенсильвании Рик Санторум заявил по этому поводу, что «небольшая фальсификация – это еще не конец света».

Пола называли убежденным изоляционистом. Он был единственным конгрессменом, голосовавшим против нападения на Ирак. Он не поддерживал военных действий в Афганистане, выступал за выход США из НАТО и ликвидацию американских военных баз за рубежом. Более того, Пол посмеивался над паникерскими настроениями республиканцев в иранском вопросе и не видел ничего страшного в том, что Тегеран может обзавестись ядерным оружием.

Оригинальностью отличался и его подход к экономическим проблемам. Пол был категорически против выделения крупных субсидий банкирам во время кризиса 2008 года. Он требовал провести государственный аудит ФРС и критиковал систему управления экономикой с помощью эмиссии и бюджетного дефицита.

Кроме того, как и все либертарианцы, Пол утверждал, что «большое правительство» представляет серьезную опасность для личных свобод граждан. «В США его давно уже считают подвижником, – писала *The New York Times*. – Хирург-акушер, который продолжал принимать роды после своего избрания в конгресс, отказался от пенсии, причитающейся законодателям, и не раз в одиночку противостоял всему депутатскому корпусу, вызывает симпатии у многих американцев»¹⁸⁴.

В первую очередь речь, конечно, шла об университетской молодежи, которая просто боготворила Рона Пола. В блогосфере он, безусловно, был самым популярным кандидатом, и многие эксперты опасались, что он может вновь пойти на выборы как независимый кандидат и сильно потрепать нервы представителям двух ведущих партий. «Рон Пол надеется возродить традиционные американские ценности, отказавшись от инородных влияний, – писал *The American Thinker*. – Займи он Белый дом, он стал бы настоящим Юлианом-отступником – императором, который пытается повернуть время вспять»¹⁸⁵.

¹⁸² *The New Republic*. 2011. October. 11.

¹⁸³ <http://ronpaulblog.com/>

¹⁸⁴ *The New York Times*. 2012. February. 16.

¹⁸⁵ *The American Thinker*. 2012. January. 26.

Весной 2012 года в республиканской гонке вперед вырвался Рик Санторум, про которого говорили, что он способен сколотить влиятельную консервативно-популистскую коалицию. Конечно, прагматики называли Санторума «токсичным кандидатом», который абсолютно неприемлем для либерального крыла Великой старой партии и независимых избирателей. Однако его радикальный консерватизм был по душе евангелистскому большинству республиканцев, которое подарило когда-то победу близкому приятелю Санторума – Джорджу Бушу-младшему. «Когда кандидат в президенты, – отмечала британская газета *The Independent*, – во всех проблемах США винит Сатану и осыпает проклятиями Барака Обаму с его «жюльнической теологией», это может показаться странным для европейских агностиков, но сделает его героем провинциальной Америки, обожающей религиозных фанатиков и проповедников»¹⁸⁶.

Демократы утверждали, что победа Санторума в их интересах, и призывали действовать по сценарию «Мартовских ид» (фильм Джорджа Клуни о президентской кампании вымышленного кандидата-демократа Майка Морриса, проигравшего праймериз по вине республиканцев, голосовавших за его соперника – политика крайне левых взглядов). Как известно, во многих штатах на промежуточных выборах могут голосовать не только независимые избиратели, но и представители соперничающей партии. И «комитеты политических действий», поддерживающие демократов, объявили о начале кампании, призывающей сторонников Обамы отдать свои голоса Санторуму: «Он станет настоящим стихийным бедствием для республиканцев, – говорил представитель демократического комитета штата Иллинойс Билл Сандерленд, – и позволит Обаме одержать оглушительную победу». Вспомним, как в 1964 году ставленник консервативного крыла Барри Голдвотер обошел предпринимателя Нельсона Рокфеллера, который был фаворитом республиканского истеблишмента, а затем с треском проиграл выборы действующему демократическому президенту Линдону Джонсону»¹⁸⁷.

Политологи отмечали, что ни один из республиканских кандидатов не способен спровоцировать массовый психоз, как это удалось Рейгану с его «утром в Америке» и Обаме с его «переменами, в которые мы можем поверить». «Вместо того чтобы выдвинуть абстрактный лозунг, который привлечет под их знамена миллионы, республиканцы вязнут в конкретных деталях, – писал колумнист *The Forbes* Марк Адоманис, – Ньют Гингрич уже на тридцатой секунде своего выступления начинает описывать технические детали проекта налоговой реформы, Рик Перри назидательно рассказывает о «безнравственности» однополых браков, а Мишель Бахман пытается поведать миру о консервативных экономистах и теологах. Митт Ромни делает все возможное, чтобы оставаться на уровне бессодержательной, но счастливой болтовни, однако удается ему это с трудом»¹⁸⁸. Очень показательным в этом смысле был успех темнокожего республиканца Германа Кейна, владельца сети пиццерий, который быстро снял свою кандидатуру. У Кейна не было даже минимального политического опыта, однако обращался он напрямую к озлобленным, загнанным в тупик согражданам и на какое-то время стал фаворитом гонки.

Многие говорили о кризисе в республиканской партии. «Великая старая партия, – писала *The New York Times*, – все больше напоминает расколовшееся зеркало, осколки которого невозможно склеить: неоконны и изоляционисты, менеджеры Уолл-стрит и ненавидящие их чаевники, евангелисты и либералы, сторонники и противники снижения налогов, сторонники и противники поголовного медицинского страхования. Этот список можно продолжать

¹⁸⁶ *The Independent*. 2012. March. 3.

¹⁸⁷ *Chicago Tribune*. 2012. March. 18.

¹⁸⁸ *The Forbes*. 2012. January. 21.

до бесконечности»¹⁸⁹. Иллюзию единства долгое время обеспечивала фигура Обамы. Чтобы не иметь ничего общего с «президентом-социалистом», республиканцы вынуждены были резко сдвигаться вправо, поскольку на самом деле Обама – типичный центрист. В результате программы большинства кандидатов было очень сложно отличить друг от друга. «Все они любят Израиль, Рональда Рейгана и своих жен, – отмечал немецкий журнал *Der Spiegel*, – и люто ненавидят темнокожего президента»¹⁹⁰.

Конечно, многие ожидали, что республиканцы выставят против Обамы боевого генерала. Некоторое время потенциальным кандидатом называли Дэвида Петреуса (в ряде консервативных центров его уже величали будущим президентом), однако Обама в начале бросил вероятного соперника в Афганистан, а затем назначил его главой ЦРУ. «Петреус отказался играть роль Эйхенхауэра и послал республиканцев к черту»¹⁹¹, – писал журнал *The Nation*.

Пожалуй, наименее комфортно республиканские кандидаты чувствовали себя в вопросах внешней политики. Ведь одно дело критиковать обаманомнику, и совершенно другое – действия демократической администрации на международной арене (после успешных контртеррористических операций политику Обамы поддерживало более половины американцев). «Тем не менее, по словам *The Foreign Affairs*, республиканские кандидаты называли президента безхребетным и безвольным политиком, который не верит в идею американской исключительности». «При этом складывается ощущение, – писал журнал, – что сами они убеждены: стоит Америке захотеть и Пакистан откажется от поддержки террористов, а Иран – от ядерных амбиций. Послушать их – так получается, что пара авианалетов в добавление к жестким экономическим санкциям – и вот вам – voilà – ядерная программа свернута»¹⁹².

Любопытно, что все фавориты республиканских праймериз оказались ястребами. И хотя Митта Ромни считали умеренным реалистом, речь, произнесенная им 7 октября 2011 года в военном колледже *Citadel* в Чарльстоне развеяла иллюзии. Ромни раскритиковал «беспомощную внешнюю политику последних трех лет», заявив, что никогда больше не будет извиняться за Америку. «Обама пытается уверить нас в том, что у людей во всем мире общие интересы, но это не так, – провозгласил он. – Есть те, кто сеет зло, а есть те, кто с ним борется. Президент говорит о наступлении азиатского века, а я верю в то, что нас ждет еще одно американское столетие. Этому грандиозному замыслу противятся лишь государства-изгои, такие как Россия, Китай, Иран, Сирия, Венесуэла и Куба. Но я убежден в превосходстве американской нации, которая добьется для себя жизненного пространства и одолеет врагов»¹⁹³. Как говорится, без комментариев. Не совсем понятно, правда, как Ромни планировал построить «сильную бескомпромиссную Америку, которая не отчитывается перед миром за свои действия». Но это уже детали. Возможно, ему должны были помочь в этом его советники по внешней политике, курировавшие в эпоху Буша американские спецслужбы – бывший директор ЦРУ Майкл Хайден и бывший министр по национальной безопасности Майкл Чертофф. Может быть, ему придавали уверенности лишние 30 млрд. долларов, которые он собирался выделить на военные расходы. Однако амбиции у Ромни были колоссальные. Он обещал «взять под контроль арабскую весну», «остановить иранскую ядерную программу» и «закрыть американский рынок для значительной части китайского экспорта в том случае, если КНР продолжит систематически нарушать установленные правила торговли»¹⁹⁴.

¹⁸⁹ *The New York Times*. 2012. March. 9.

¹⁹⁰ *Der Spiegel*. 2012. Januar. 17.

¹⁹¹ *The Nation*. 2011. July. 3.

¹⁹² *The Foreign Affairs*. 2011. November/December

¹⁹³ *The Wall Street Journal*. 2011. October. 7.

¹⁹⁴ *Ibidem*.

Не менее агрессивной выглядела и предвыборная программа Ньюта Гингрича, который во время дебатов в Южной Каролине назвал Пакистан номинальным союзником США, призвал к смене режима в Тегеране и заявил, что гражданские свободы могут быть принесены в жертву ради национальной безопасности. Бывший спикер Палаты представителей объявил себя «продолжателем политики Рейгана, Тэтчер и Иоанна Павла II по распространению демократии»¹⁹⁵ и провозгласил радикальный ислам не менее опасной угрозой, чем коммунизм в эпоху холодной войны. Команду его советников возглавлял президент Вашингтонского совета по внешней политике Герман Пирчнер. В нее вошел также известный неокон и бывший глава ЦРУ Джеймс Вулси, которого можно было бы назвать идеологом «арабской весны». Сам Гингрич отмечал, что арабская весна приведет к исламской зиме, если Америка не будет действовать более напористо. Однако это вовсе не означает, что ей придется увеличить военный бюджет, напротив Гингрич планировал его урезать, называя себя «бережливым ястребом», который не будет проматывать деньги на бессмысленные авантюры¹⁹⁶.

Губернатор Техаса Рик Перри ограничивать себя в средствах не собирался. И риторика его, пожалуй, была наиболее воинственной. Он обещал не прогибаться под международные институты, которые давно уже отжили свой век, «выбросить Китай на свалку истории», как это сделал Рональд Рейган с советской империей зла, ввести «бесполетные зоны над Сирией», хотя местные власти ни разу не сбросили бомбу на мирных граждан, послать американские войска на усмирение мексиканских наркобаронов, выстроить «двойную стену», которая позволила бы контролировать приток мигрантов из Латинской Америки¹⁹⁷. Среди советников Перри по внешней политике было, пожалуй, больше всего неокон, в том числе бывший посол в ООН Джон Болтон, главный архитектор иракской войны Дуглас Фейт, и один из идеологов войны с террором Эндрю Маккарти.

На фоне других республиканских претендентов кандидат от Чайной партии Мишель Бахман выглядела настоящим голубем. Она призывала существенно урезать расходы на оборону и обвиняла администрацию Обамы в том, что она создала в Ливии «опорный плацдарм для Аль-Каиды». Как отмечал бывший спичрайтер Рейгана и колумнист *The Wall Street Journal* Пегги Нунан, «республиканцы сейчас могут вернуться к своим первоначальным принципам. Это демократы всегда ратовали за интервенцию и призывали насаждать американские ценности по всему миру. Лидеры Великой старой партии, напротив, были реалистами, и период крестоносца Буша в этой связи можно считать отклонением от нормы»¹⁹⁸. Однако среди всех республиканских кандидатов лишь изоляционист Рон Пол заявлял, что «администрация не может позволить себе тратить сотни миллиардов на государственное строительство за рубежом, когда Америка переживает один из самых тяжелых кризисов в своей истории»¹⁹⁹.

Правда, политологи не исключали, что если республиканцам удастся завоевать Белый дом они начнут сдвигаться в сторону изоляционизма. Ведь во внешней политике американские президенты крайне редко воплощают в жизнь свои предвыборные лозунги. Вспомним, что Буш во время предвыборной кампании обещал проводить скромную внешнюю политику и выступал против «строительства наций», а Обама планировал сесть за стол переговоров с иранским президентом Махмудом Ахмадинежадом.

Однако во время праймериз большинство республиканских кандидатов заявляли, что Америка не должна замыкаться в себе, критиковали своих коллег за «пораженчество» и про-

¹⁹⁵ South Carolina GOP Debates // *The New York Times*. 2011. November. 12.

¹⁹⁶ South Carolina GOP Debates // *The New York Times*. 2011. November. 12.

¹⁹⁷ Ibidem.

¹⁹⁸ *The Wall Street Journal*. 2011. June. 25.

¹⁹⁹ <http://ronpaulblog.com/>

поведовали идеалы джексоновской школы, отстаивающей право США на неограниченную гегемонию. «То что мы наблюдаем, – говорил эксперт Совета по международным отношениям Макс Бут, – это схватка за душу республиканской партии. И настоящие консерваторы не должны внимать сиренам изоляционизма»²⁰⁰.

Все республиканские кандидаты скептически относились к политике перезагрузки и критиковали современную Россию. В эфире телекомпании CNN Митт Ромни пообещал «ликвидировать Путина и его империю зла». «Перезагрузка должна закончиться, – объявил он, – иначе русские восстановят Советский Союз с помощью таких приемов, как «аннексия населения». Было бы ошибкой также пускать Россию в ВТО, поскольку русские – прирожденные обманщики и плуты»²⁰¹. Гингрич, который был одним из главных сторонников предоставления помощи «демократической России» в 90-е годы, осуждал западных политиков за заигрывания с «кремлевскими диктаторами». «После того как страну разграбили олигархи, – говорил он, – она стала легкой добычей для старой номенклатуры»²⁰². Перри называл политику перезагрузки пощечиной, которую американцы нанесли своим восточноевропейским союзникам, и обвинял Россию в агрессивной политике по отношению к бывшим советским республикам, лишь недавно получившим независимость. Во многом нападки республиканцев на Россию объяснялись тем, что отношения с ней – это единственная область, в которой Обама отошел от политики своего предшественника – имперского президента Джорджа Буша-младшего.

²⁰⁰ Christian Science Monitor. 2011. June. 27.

²⁰¹ CNN. 2011. October. 8.

²⁰² South Carolina GOP Debates // The New York Times. 2011. November. 12.

«НИЩИЙ МИЛЛИАРДЕР» И «БИТВА БАНКНОТ»

Уже в начале 2012 года, после того как Ромни одержал победу в ряде штатов, стало очевидно, что в ноябре американцы будут выбирать между мормоном и темнокожим. Во многом это объяснялось тем, что на экс-губернатора Массачусетса сделал ставку республиканский истеблишмент. «Ромни сказочно богат, – писала The Washington Post, – и представители элиты пытаются убедить избирателей в том, что от добра добра не ищут»²⁰³. Один из главных республиканских идеологов Карл Роув, при Буше-младшем занимавший пост заместителя главы президентской администрации, опубликовал статью под названием «Великая победа Ромни»²⁰⁴, в которой попытался доказать, что из всех претендентов только бывший губернатор Массачусетса достоин занять президентское кресло.

Кроме того, большинство республиканцев, даже те, кто недолюбливал Ромни, были убеждены, что у него намного больше шансов на победу, чем у других кандидатов, а американские журналисты все чаще рассуждали о браке по расчету. Ведь, согласно опросам Gallup, если бы выборы состоялись весной 2012 года, только экс-губернатор Массачусетса мог бы одолеть действующего президента: кандидаты шли ноздря в ноздю, а некоторое время Ромни даже опережал Обаму.

Политтехнологи Обамы называли Ромни самым неудобным соперником. Ведь он легко мог перетянуть на свою сторону независимых избирателей и даже часть демократов. Неслучайно на праймериз Ромни без труда одержал победу в штатах Новой Англии, традиционно ориентирующихся на либералов, – за ним остались Вермонт, Массачусетс и Вирджиния.

«На самом деле Ромни был бы идеальным напарником Обамы, – писал эксперт из Института Брукинга Майкл Кейг, – ведь он добился триумфа в темно-синих штатах, которые вряд ли поддержат республиканцев на ноябрьских выборах, и не победил пока ни в одном красном штате, где Великая старая партия пользуется поддержкой большинства избирателей»²⁰⁵.

Ромни, конечно, заигрывал с южанами, пытаясь освоить их диалект и изображая из себя супертрадиционалиста. Он не стал даже спорить с консервативным радиоведущим Рашем Лимбо, который заявил весной 2012 года, что американские женщины «сильно распоясались» и «всем этим феминисткам давно пора вправить мозги, чтобы они не лезли, куда не следует, вели хозяйство и воспитывали детей в консервативных традициях»²⁰⁶. «Неужели Ромни, – писала The New York Times, – который надеется стать республиканским кандидатом, ничего не мог возразить фанатичному сексисту, мечтающему вернуть Америку в ту эпоху, когда женщины не обладали равными правами с мужчинами?»²⁰⁷

Такая позиция, конечно, превращала Ромни в антипода Обамы, которого прозвали «первым феминистким президентом Америки». Его администрация ежегодно выделяла радикальным женским организациям около миллиарда долларов. Она провела через Конгресс закон о справедливой оплате труда, который обязывал работодателя следить за тем, чтобы женщины двигались по карьерной лестнице и получали такое же вознаграждение, как мужчины, в не зависимости от степени профессионализма. В колледжах были введены так называемые гендерные квоты, и многие профессора были вынуждены уступить свои места менее титулованным сотрудникам, только на том основании, что они женщины.

²⁰³ The Washington Post. 2012. April. 7.

²⁰⁴ The Wall Street Journal. 2012. March. 1.

²⁰⁵ The Wall Street Journal. 2012. April. 23.

²⁰⁶ <http://www.rushlimbaugh.com/>

²⁰⁷ The New York Times. 2012. March. 2.

И вот Лимбо, которого иногда называют фактическим лидером республиканской партии, набросился в прямом эфире на представительницу феминистского движения Сандру Флюк, которая попыталась доказать на слушаниях в Конгрессе, что медицинская страховка должна предусматривать оплату контрацептивов. Он назвал ее шлюхой, а американских чиновников сутенерами, и был подвергнут остракизму в либеральных кругах. «Лимбо бросил вызов политкорректной Америке с ее крикливым лицемерием и бесконечной, доведенной до гротеска борьбой за права человека, – заявила Сара Пейлин, – и орды либералов набросились на него словно свора голодных псов»²⁰⁸.

Поскольку Ромни никак не прореагировал на скандал, многие комментаторы тут же обвинили его в «потакании ультраконсерваторам». Как заметил главный стратег Обамы Дэвид Аксельрод, «бывший губернатор Массачусетса, который считался всегда умеренным политиком, рискует заиграться и, резко сдвинувшись вправо во время республиканских праймериз, потерять доверие тех электоральных групп, от которых в ноябре будет зависеть исход выборов. Не будет же он через пару месяцев вновь менять свою риторику, пытаясь достучаться до центристов и одолеть действующего президента во фронтовых и колеблющихся штатах!»²⁰⁹ О том, что команда Ромни действительно играет в опасные игры, свидетельствовал тот факт, что в «супервторник» он не сумел заручиться поддержкой представителей среднего класса и молодежи, а за время республиканской гонки его рейтинг среди независимых избирателей снизился на 20 процентов.

Ромни не удалось завоевать популярность и среди так называемых «синих воротничков». Для его политтехнологов оказалось непосильной задачей убедить их в том, что бывший профессиональный рейдер, который закрывал заводы, выкидывал на улицу рабочих и перепродавал освободившиеся площади, сможет в должной мере отстаивать интересы американцев, сталкивающихся с проблемой массовой безработицы. Попытки Ромни изобразить из себя «своего парня» и «развеять слухи о том, что его жена владеет парой «кадиллаков», выглядели настолько комично, что в Америке его прозвали «нищим миллиардером». «Вместо того чтобы лезть из кожи вон, – писал *The Economist*, – пытаясь убедить теряющих работу избирателей в том, что он один из них, и привлечь «синих воротничков» откровенно популистскими антикитайскими лозунгами, Ромни следовало бы объяснить, что присущий ему прагматизм и предпринимательские навыки позволят создать новые рабочие места»²¹⁰. Однако экс-губернатор Массачусетса и владелец компании *Bain Capital* этого не делал. Более того, своим высокомерием он окончательно оттолкнул от себя неквалифицированных рабочих. Чего стоило, например, неосторожное заявление, сделанное им в пылу кампании, о том, что бедные его не волнуют. «Философия Ромни, – отмечал *The Nation*, – это социал-дарвинизм. Он верит в то, что выживает сильнейший, и проповедует идеалы дикого капитализма. Неслучайно, уже более полугода являясь фаворитом истеблишмента, даже после «супервторника» он не сумел выбить из седла своих конкурентов. Гонка продолжается, несмотря на то что у Ромни в три раза больше голосов, чем у его преследователей»²¹¹.

²⁰⁸ *The American Thinker*. 2012. March. 10.

²⁰⁹ *The Huffington Post*. 2012. May. 8.

²¹⁰ *The Economist*. 2012. May. 12.

²¹¹ *The Nation*. 2012. April. 25.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.